

И
К4
Кум Си Сын

Ким Си Сын

Новые рассказы, услышанные на горе Золотой Черепахи

Перевод с вэньяня (хаймуна)
Дж. Воскресенского
и Вл. Сорокина

Издательство
«Художественная литература»
Москва 1972

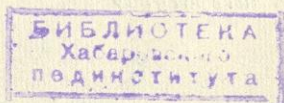
Послесловие и комментарии
К. МОНГОЛОВА и Б. РИФТИНА

Подстрочные переводы стихов
К. МОНГОЛОВА и В. ТАСКИНА

Стихи в переводе
АРК. ШТЕЙНБЕРГА

Оформление художника
Б. ДИОДОРОВА

382033

*О том, как в храме
Беспредельного Счастья играли в ют*

Студент Лян из Намвона рано лишился отца и матери. Жил он без родных, один-одинешенек, в домике у восточной стены храма Беспредельного Счастья. Возле дома росло грушевое дерево. Каждую весну на дереве распускались цветы, и тогда казалось, будто оно выточено из прекрасной яшмы и все увешано серебряными шарами. Ночью, когда восходила луна, Лян прогуливался возле дерева и читал нараспев:

Вся в цвету, одинокая груша
одиночество делит со мной;
Ночь светла, но так мне тоскливо
вдвоем с одинокой луной...
Грустный юноша в доме унылом
одиноко лежит у окна,

Одинокой красавицы где-то
одинокая флейта слышна.
Зимородок одинокий
заметался в любовной тоске,
Уточка, друга утратив,
одинокое ныряет в реке.
Кто стуком шашек условным
в свой дом меня позовет?
По нагару чадающей лампы
гадаю всю ночь напролет.

Однажды, едва Лян успел дочитать стихи, откуда-то с высоты до него донесся голос:

— Господин, ты хочешь найти себе хорошую жену. Не тужи, ты найдешь ее!

Слова эти наполнили сердце студента радостью.

На следующий день, двадцать четвертого числа третьей луны, в храме справляли праздник Зажигания Огней. По обычаям тех мест в обители зажглись светильники; мужчины и женщины группами и в одиночку подходили к изображению богов, и каждый просил исполнить его желание. К вечеру свечи погасли, моление окончилось, толпа поредела. Только тогда Лян приблизился к изваянию Будды.

— Давай сыграем в юг, о божество! — сказал он и вытащил из рукава деревянные фишки. — Если я проиграю, обещаю устроить трапезу в твою честь. Если же выиграю, ты подаришь мне красивую жену, исполнив заветное мое желание!

С этими словами он метнул фишки, и, представьте себе, выиграл.

— Вот удача! Смотри же, не обмани меня теперь, божество! — Лян спрятался под жертвенный столик и стал ждать, что будет дальше.

Вдруг явилась пред ним девушка лет пятнадцати или шестнадцати. Удивительной красотой, хрупкостью сложения и нежностью черт она не уступила бы небожительнице. Весь облик ее исполнен был благородства и достоинства. Одета она была скромно, как служанка. Красавица затеплила лампы, поставила благовонные свечи, затем трижды поклонилась божеству и опустилась перед ним на колени.

— Горькая моя доля! — тяжело вздохнула она, достала из складок одежды свиток бумаги и поднесла к алтарю. Вот что там было написано:

«Происхожу я из семьи Ха, из такой-то деревни такой-то области. Однажды в наши края вторглись разбойники-японцы: воспользовались они тем, что на границе ослабла оборона... И вот замелькали разящие секиры и копья. Пламя войны бушевало несколько лет подряд. Враги сжигали дома и хижины, а жителей уводили в плен. Все разбегались в страхе, прятались от разбойников. Слуги теряли господ, родственники друг друга, я же решила остаться в своем доме. Слабая, хрупкая, словно тростник или ива, я бы все равно не ушла далеко. Скрывшись от взоров людских, я поклялась до конца своих дней жить в целомудренном одиночестве. Не хотела я замочить платье росой и надеялась избежать неожиданных горестей. Родители, видя мою решимость, покинули меня. С тех пор, забытая всеми, я живу одна вот уже полных три года.

На смену весенним цветам приходили осенние луны, а грусть в моем сердце не убывала. Плыли вольные облака и бежали воды, а я в тоске провожала дни и жила, словно в мрачной теснине, вздыхала и думала о злосчастной своей судьбе. Долгие вечера томилась я в одиночестве, скорбя о том, что прекрасная птица

луань танцует одна, без друга. И вновь убегали дни и проходили луны, а я продолжала жить, словно расставшись со своей душой. Летние вечера приходили на смену зимним, а меня все терзала печаль... Знаю, что предрешенного не минуешь, и все же прошу явить ко мне жалость и состраданье. Быть может, судьба будет ко мне благосклонна, и радость наконец посетит меня... С этой мольбою я и пришла сюда».

Девушка всхлипнула и положила свиток перед Буддой. Лян наблюдал через щель за красавицей. Наконец, не в силах долее сдерживать охватившее его чувство, он вышел из своего убежища. Юноше не терпелось узнать, что написано в свитке. Но вот он удовлетворил свое любопытство, и лицо его засияло радостью. Обратившись к незнакомке, он спросил, кто она, как ее зовут и почему она пришла сюда одна.

— Я человек, как и вы. Неужели вы сомневаетесь в этом? — ответила девушка. — Вы ищете себе подругу, но обязательно ли знать имя? Лишние вопросы могут только разрушить счастье!

Надобно вам сказать, что во времена, о коих идет речь, обитель Беспредельного Счастья пришла в совершенную ветхость, монахи жили где-то в самом дальнем углу храма. Перед залом Будды тянулась заброшенная галерея. В конце ее была убогая дощатая пристройка. Туда Лян и повлек девушку. Красавица не стала ему противиться, и они предались там удовольствиям, которые обычно доставляют себе люди.

Наступила полночь. Над восточными холмами возшла луна и осветила комнату. В это время с улицы слышались шаги.

— Кто там? — спросила красавица. — Уж не моя ли служанка?

— Госпожа! — раздалось в ответ. — Прежде вы никогда не покидали своего дома, шагу за ворота не ступали. Почему же вчера вы исчезли столь неожиданно и не возвращаетесь до сих пор?

— То, что произошло со мной нынче ночью, — не простая случайность. Это свидание послало мне Небо, а благословил его сам Будда. Встреча с другом сулит и ему и мне душевное согласие до самой смерти. Пусть соединились мы в брачном союзе без стовора и без помолвки, пусть пренебрегли установлениями и запретами! Но ведь и у целомудренных ласточек в пору любовных полетов происходят удивительные встречи... Принеси же из дома вина и сладких плодов, и мы устроим здесь пир.

Служанка, повинуясь своей госпоже, отправилась за угощениями. И вот в этот поздний час, — а уже настала четвертая стража, — в комнате был накрыт праздничный стол. Вся утварь оказалась весьма простой. Не было на ней почему-то ни надписей, ни украшений, зато яства поразили Ляна тончайшим ароматом и каким-то неземным вкусом. Вначале в сердце студента закрались сомнения, однако речи красавицы были нежны, манеры изящны и непринужденны, и он быстро успокоился. «Не иначе как девушка из богатой семьи, — рассудил он. — Перелезла, видимо, через стену и убежала из дому».

Появились сосуды с вином. Красавица велела служанке спеть, дабы умножить веселье музыкой, а Ляну сказала:

— Моя служанка знает древние напевы. Прошу вас, господин, помогите ей подобрать слова.

Студент с радостью согласился. Тут же написал он стихи на мотив «Вся река красна...», протянул служанке, и та запела:

Я мерзла ранней весной,
Шелк халата не грел меня.
Казалась грудь ледяной,
Как жаровня, где нет огня.
Вечером горы чернели стеной,
Тучи лиловые землю покрыли зонтом,
И не было милого друга со мной
За ширмой парчовой, в доме пустом.
Одиноко, с неприбранными волосами,
Сидела задумчиво я,
И в саду запустелом часами
Плакала флейта моя.
Лампа за полночь не горела
У серебряной ширмы моей.
Как изныла душа, как застыло тело
Без ласки твоей!
Я сегодня услышала звуки,
Равные музыке Цзоу Яня,
Они обогрели мне сердце и руки
Теплом твоего дыханья.
И сама я нежную песню запела,
Наливая в звонкую чашу вино,
Вспоминая, как в доме пустом леденела
Когда-то, давным-давно...

Песня кончилась, и красавица сказала задумчиво:
— Когда очутилась я на Пэнлае, в стране бессмертных, порвались нити, связующие меня с этим миром, а ныне, как было когда-то у рек Сяо и Сян, повстречала я своего суженого. Это небывалое счастье! Если господин не откажется от меня, я до конца жизни буду подносить ему плат и гребень. Иначе придется нам расстаться навеки, и мы будем далеки друг от друга, как облака от земли.

— Смею ли я идти против судьбы! — вскричал студент. Он был взволнован и напуган словами красавицы. Необычность ее слов удивила его, и он стал внимательно присматриваться ко всему, что она делала.

Луна повисла уже над западным пиком, и в деревне прокричали первые петухи. Раздались удары храмового колокола. Забрезжил рассвет.

— Убери со стола и можешь удалиться, — приказала госпожа служанке, и едва она это произнесла, как и служанка, и остававшиеся на столе угощения исчезли, словно их и не было. Красавица обратилась к студенту:

— Узы судьбы соединили нас, давай же возьмемся за руки.

Лян взял ее руку, и они вместе вышли из храма. За оградами домов лаяли собаки. На дороге появились первые прохожие. Люди видели идущего по деревне студента, но спутницы его никто не замечал. Кто-то окликнул Ляна:

— Куда это ты в такую рань?

— Да вот выпил вчера лишнего и заснул в храме, — отвечал студент. — А теперь иду к другу в деревню.

Между тем стало совсем светло. Спутница привела Ляна в пустынное место. Земля здесь поросла густой травой, поблескивавшей капельками росы. Дальше дороги не было.

— Неужели ты здесь живешь? — удивился Лян.

— Да, здесь я и живу, одинокая, — молвила красавица и, улыбнувшись, прочитала наизусть: «Этой ночью роса увлажнила пути, рано утром возможно ль идти? Я скажу ему, много росы на пути».

И Лян ответил ей шуткой:

— «Бродит за самкою лис по берегу Ци и Лян. А дорога из Лу пролегает пряма и ровна. Циска я наша

княжна проезжает, беспечна на вид». — Прочитав эти стихи, студент засмеялся.

Тем временем они подошли к селению Кэнёндон. В этом заброшенном селении густо разрослась полынь, колючие растения устремились в самое небо. Студент увидел домик, небольшой, но весьма привлекательный. Спутница пригласила его войти. В комнате, напомнимшей Ляну их ночное пристанище, царил строгий порядок. Постель была застлана циновкой и наполовину задернута пологом.

Прошло три дня, и Ляну стало казаться, что он живет здесь и наслаждается счастьем всю жизнь. Многое в этом доме было не как у простых смертных: служанка на редкость хороша собой и лишена всякого лукавства; утварь безупречно чиста, и нет на ней никаких украшений. Однако чувства студента к подруге были искренни, и он упорно гнал от себя сомнения.

Однажды красавица сказала:

— Господин, три дня, проведенные здесь, все равно что три года. Тебе пора возвращаться к своим делам.

И она приказала устроить прощальный пир.

— Но почему? — опечалился студент. — Почему мы должны расстаться так скоро?

— Сама судьба привела тебя в мое убогое жилище. Наступит время, она опять сведет нас вместе, и тогда желанье всей нашей жизни сбудется, — ответила ему возлюбленная. — А сегодня, перед расставанием, я хочу познакомить тебя с моими родственниками, которые живут по соседству. Ты не против?

Лян согласился, и тогда она велела служанке пригласить родню на прощальный пир. Вскоре явились госпожа Чон, госпожа О, госпожа Ким и госпожа Лю, благородные девы из знатных и древних семей. Обая-

тельные и женственные, они держались спокойно и с достоинством; острые умом, они знали письменность и сочиняли стихи. Вот и сейчас по случаю проводов гостя каждая из них сложила по четыре строфы «семисловных оборванных строк». Первой прочитала свое стихотворение Чон, девушка с непринужденными манерами, с пышными, словно облако, волосами.

В душистые вешние ночи
изящны луна и цветы.
Я год за годом грущу
оттого, что не встретился ты,
Что мы друг друга не знаем,
что не суждено нам с тобой,
Птицам бии подобно,
играть в вышине голубой.

Как мне дождаться рассвета,
если погас мой ночник?
На небо Ковш поднялся,
вполовину месяц поник.
Полуодета, растрепана,
тоскую и ночью и днем,
В дворцовом уединенье
грущу о любимом моем.

Если девушка замуж не вышла
своей порой золотой,
Значит — упущено время,
и жизнь ее будет пустой.
Одни лишь горячие слезы
на подушках оставят след,
И ливень с гор, захлестнувший двор,
осыплет сливовый цвет.

Бесплодно прошла и назад не вернется
любви девичьей пора.

Ночь за ночью, в горах опустевших, придется
мне горевать до утра!

Но путника нет на мосту Ланьцзя
подряд который уж год...

Когда же Пэй Хан встретит Юнь-яо?
Когда он ее найдет?

И тут же вступила пленительная и хрупкая О. Не
в силах сдержать свои чувства, она взволнованно
прочла:

Воскурив благовонья,
из храма я воротилась,
Тайно, в поисках свахи,
истратила деньги сполна.
Я весной грущу,
хоть море цветов распустилось,
Я и в осень грущу,
хоть ярко сияет луна.

Нынче, в доме соседнем,
встретилась девушка с другом.
И веселые, новые песни
мне оттуда слышны.
Их счастливицы поют,
одержимы любовным недугом,
И блаженным вином
кувшины по горло полны.

На восточном ветру
о любви тоскую напрасно...
Вьется ласточка сирая,
со мной разделяя беду.

Двум раскрывшимся лотосам
я завидую страстно, —
Как им радостно вместе
в одном купаться пруду.

В голубых горах
малый домик стоит одиноко,
Двух деревьев сплетаются ветки
в красном цвету.
Даже ветки счастливей меня!..
Судьба так жестока!
Сердце жжет щемящая боль,
горький привкус от слез во рту!

Сдержанная и строгая Ким осудила стихи подруг. Она нашла их слишком легкомысленными и даже малопристойными. Смочив свою кисть тушью, она сказала:

— Незачем так много говорить о том, что волнует нас сегодня. Раскрывать перед земным человеком сокровенные чувства вопреки велениям целомудрия — недостойное занятие.

И она громко прочитала свои стихи:

К пятой страже кукует кукушка
на прохладном ветру.
Млечный Путь, постепенно бледнея,
повернул на восток.
На подаренной яшмовой флейте
не играй поутру,
Чтоб никто о любви нашей тайной
догадаться не мог,

Не твердите, глубокую чашу
наполняя вином,
Что вина слишком много; нам надо
нынче пить допьяна.
Завтра ветер восточный, быть может,
загудит за окном,
И, быть может, как сон мимолетный,
растает весна.

Мы готовы зеленой одежды
опустить рукава,
Нам под музыку выпить придется
сотню кубков вина.
Мы слагаем об этих свершеньях
новой песни слова,
И тогда лишь уйдем, как веселье
истощится до дна.

Сколько лет мои кудри пылились!
Как жила — не пойму!..
А сегодня, любимого встретив,
улыбаюсь я вновь.
Так не будем о том, что случилось,
говорить никому,
Чтобы только для нас в Гаотане
расцветала любовь!

Госпожа Лю, одетая скромно, почти без украшений,
не привлекала взоры красотой. Все это время она мол-
чала, а потом вдруг улыбнулась и стала читать:

Сколько лет я блюла целомудрие,
сколько ночей и дней!
Были кости мои зарыты
в земле государства теней.

Вешним вечером, вместе с Чан-э,
в ожидании света с востока
Под расцветшим коричневым деревом
я любила дремать одиноко,

И когда на ветру благодатном
трепетали сады, а в дома
Лепестки живые влетали, —
я смеялась сама.
О, не зовите в жизни
извилистый след мушиный
Трещиной в яшме куньшанской,
подаренной горной вершиной!

Я не белюсь, не румянюсь,
беспорядочно косы легли,
На медном зеркале — зелень,
шкатулка с духами — в пыли...
Сегодня у нашей соседки
на свадебном пире была я,
Ее прическе искусной
дивилась, смущеньем пылая,

Она с женихом белолицым
вступает в брачный союз,
Определило им Небо
радость супружеских уз,
Лунный старец счастливых супругов
нитью связал, сочетая,
Чтоб согласие меж ними сияло,
словно луна золотая,

Хозяйке понравились эти последние стихи.

— Я тоже немного разбираюсь в поэзии, так не пристало и мне сегодня хранить молчание. — С этими словами она поднялась и прочла такие стихи:

Всю весну прожила я в селенье Кэнён
и с тоскою глядела вдаль...
А когда распускались и вяли цветы,
распускалась и вяла печаль.
В облаках, затянувших расселину в Чу,
мне любимого не разглядеть.
На реке Сяосян, под бамбуком, в слезах,
что ни день, суждено мне сидеть.

По прозрачной реке, в благодатном тепле,
пара уток влюбленных плывет,
Пара зимородков пестроперых, резвясь,
надо мной пустилась в полет.
Хорошо, если дружно завязан тугой
нерушимый узел любви.
Как на веер ненужный, на меня не гляди,
Позови меня, позови!..

Студент, понимавший толк в литературе, тотчас оценил чистоту и совершенство ее слога, звонкую рифму и напевность стихов. Вздых восхищенья вырвался из его груди. Он поднялся из-за стола и стал читать только что сложенные стихи в подражанье древним, где среди длинных строк попадались и короткие:

Что за вечер волшебный ныне!
Под сенью цветущих ветвей
Сижу на высокой террасе
в удивительном обществе фей!..

Каждая ликом нежным
изящней любого цветка,
Губы — спелые вишни,
волосы — облака.
Собирают их звучные песни
восхищенья всеобщего дань,
Перед ними умолк бы и Бо Цзюй-и,
умолк бы даже Се Ань!
Это Небесная Дева,
покинув на Млечном Пути
Свой ткацкий станок, опустилась,
чтобы вечер здесь провести.
Это Чан-э прелестная,
забыв на луне свой пест,
На праздник вечерний явилась
и все озарила окрест!
Одежды красавиц красят наш пир,
и в обществе неземном
Царит веселье свободное,
вздываются чаши с вином.
К женскому обществу я не привык,
но все ж понемногу пью,
И с небожительницами я
радуюсь и пою.
Как я доволен, что невзначай
попал на гору Пэнлай,
Что сижу меж прекрасных небесных дев,
на время покинувших рай!
Сквозь дивные испаренья вина
тянусь я душою к ним,
А из курильницы золотой
плывет благовонный дым...
Плывет он к роскошному ложу,
Его ветерок увлек

Туда, где в шелках балдахина
заветный скрыт уголок.

Девы эти пришли на свадебный пир,
на праздник счастливой судьбы.

Кружат разноцветные облака,
причудливы их клубы!

Здесь Вэнь Сяо свою Цай-луань отыскал, —
ты, наверно, видела их?

И Чжан Шо повстречал наконец Ду Лань,
спутницу дней своих.

Наша встреча и брачные узы
Небом определены.

Нам до старости жить неразлучно,
мы друг другу нужны.

Как могла ты столько бездумных слов
легкомысленно произнести, —

Что тебя, будто веер осенней порой,
брошу я на пути?!

Мы дружную парой, навечно
связанные судьбой,

По цветам, озаренным луной,
будем бродить с тобой!

Пиршество подходило к концу. Пришла пора расставаться. Хозяйка достала серебряную чашу — прощальный дар возлюбленному.

— Мои родители завтра устраивают в мою честь трапезу в храме Драгоценного Лотоса. Если хочешь еще раз со мной увидеться, встречай меня на дороге. Вместе войдем в храм и поклонимся отцу с матерью.

Лян ответил согласием. На следующий день, как сказала возлюбленная, он вышел с чашей в руке на дорогу и стал ждать. Вдруг показалась траурная процессия: в колясках, запряженных конями, сидели люди,

как видно, из знатного дома. Кто-то из них пристально посмотрел на чашу в руках студента и сказал:

— Как странно! Драгоценности молодой госпожи были положены в гроб вместе с нею. Неужели их украли?

Глава семьи не понял и спросил, о каких драгоценностях идет речь.

— А вот, взгляните на студента с чашей, — сказал тот человек.

Тогда хозяин остановил процессию и принялся расспрашивать Ляна, откуда у него чаша. Лян поведал обо всем, что с ним приключилось. Родители девушки, — а это были они, — долго удивлялись и наконец рассказали:

— Была у нас единственная дочь. Когда вторглись к нам разбойники-японцы, она погибла, и мы не успели ее похоронить согласно обычаю. Гроб с ее прахом до сих пор стоит около храма Кэнёнса. Как раз сегодня мы собираемся свершить погребенье и поминки. Хотим отправить душу дочери в загробное царство. Господин, если вы и вправду договорились с духом нашей дочери о встрече, то ждите ее и ничего не бойтесь!

Они направились к храму, а студент остался на дороге ждать возлюбленную. Наконец он увидел ее. Красавица шла изящной походкой, слегка покачиваясь; ее сопровождала служанка. Надо ли говорить о том, какой радостной была их встреча. Взявшись за руки, они вошли в ворота храма. Красавица поклонилась Будде и тут же зашла за белый полог. Никто ее не заметил — ни родственники, ни монахи, видел ее только Лян.

Красавица обратилась к нему:

— Может быть, поедим вместе и выпьем чаю?

Студент передал ее слова родителям. Те, желая убедиться, что дочь их действительно здесь, попросили его

сесть за стол, и тотчас же застучали сразу две пары палочек для еды, звякнули ложки — все как у живых людей. Родители очень обрадовались, а когда стемнело, предложили студенту лечь на ложе с их дочерью. В середине ночи из-за полога раздались громкие голоса. Все, кто был в храме, прислушались. Но тут опять стало тихо. Потом послышался голос, в котором родители узнали голос своей дочери:

— Я знаю, что нарушила заповедь Неба. С малых лет я читала «Книгу Песен» и «Книгу Преданий», мне известны законы долга и приличий. Я понимаю, как постыдно предаваться любовной страсти, и румянец заливает мне лицо при мысли, что я уронила свою честь. Но слишком долго жила я в глуши, покинутая всеми. Чувства оказались сильнее меня, я не могла их сдерживать. Однажды в храме, во время моления, возжигая свечи перед Буддой, стала я сетовать на свою горькую долю, и из груди моей вырвался стон. Судьба смилостивилась надо мною и подарила мне друга. Тогда я решила: заколю шпилькой волосы и буду служить господину до конца дней, буду чинить его одежду, подносить ему вино. Так думала я, но судьба предрешила иначе: не дав долгого счастья, она открыла передо мной путь в царство мрака. Мы расстаемся, и кто знает, когда свидимся вновь. Горе мое так велико, что словами его не выразить... Красавица Бу-лянь скрылась за створчатой дверью... Фея грома А-сян угоняет свою колесницу. Растаяло облако над горою Ушань, и дождь уже перестал. От Небесного Брода давно улетели сороки...

Голос звучал печально. Он становился все тише, тише и, наконец, смолк совсем.

Наступила пора провожать душу умершей, и в храме поднялся плач. Не успели, однако, все выйти из храма, как голос, словно бы издалека, зазвучал вновь:

— Судьба неумолима... Хочу только, чтобы мой господин не слишком печалился. Горюю о том, что родные мои не успели обручить нас... Не будет душе моей покоя там, у Девяти источников...

И снова голос стал едва слышным, и наконец замолк навеки. Родители умершей понимали, что им удалось подслушать голос ее уходящей души, и не задавали недоуменных вопросов. Студент молча стоял подле них, и скорбь его была беспримесна. Склонив головы, все трое беззвучно плакали. Потом старики обратились к Ляну:

— Господин, считайте эту серебряную чашу своею. Возьмите еще несколько участков земли и слуг нашей дочери. Пусть это будет памятью о ней.

На следующий день принесли жертвы и совершили возлияние вина. Студент попытался было разыскать домик, где жил с возлюбленной, но на этом месте стоял ее гроб. Терзаемый скорбью, он поставил поминальную таблицу и сжег жертвенные деньги. После всех похоронных обрядов Лян сложил в память об усопшей такие слова:

«Когда ты явилась на свет, была ты прекрасной и нежной, а когда повзрослела — всех поражала своей чистотой. Поспорила бы красота твоя с красотою самой Си Ши, мастерство твоих «ши» и «фу» совершеннее, чем у Шу-чжэнь. Целомудренно ты жила в благовонных покоях, наставлениям старших в семье внимала ты постоянно. Но нагрянули беды, погибла прекрасная яшма. Вторглись в страну разбойники, и жемчужина пошла ко дну. С той поры ты жила одиноко в глухой пустыне; на цветы, на луну смотрела — и сжималось в печали сердце. Дул ветерок весенний — грудь

твоя в тоске разрывалась, стонала вдали кукушка — ты лила кровавые слезы. Часто осенний иней душу твою леденил. Ты скорбела о том, что веер тебе не принес любви.

Но однажды в почной тишине настало мгновение радостной встречи, и чувства любящих душ сплелись в неразрывную нить. Так счастливы были мы и близки, как рыба с водою. И хотя была между нами загробной жизни стена, мы мечтали, что долгие годы будем вместе в согласии жить. Как могли мы в ту пору знать, что печаль и горе придут?

О сестрица из лунных миров, что летает на птице луань! О красавица с гор Ушань, ниспославшая дождь из туч! Черным мраком оделась земля, не вернешься сюда ты вновь. Небо ровной пустыней лежит, не увижу больше тебя... Перед траурным пологом я слезы беззвучно лью, от чары с тонким вином в душе моей боль сильнее. Мне видится образ твой, чудится песни напев, яшмой твои слова в ушах у меня звенят. Вспоминаю мудрость твою, утонченность твоих манер. Но, увы, ты ушла навек, эта мысль терзает меня! Три души твои разлетелись, но дух твой — исчезнет ли он?

О, вернись ко мне поскорей, опустишься пред порогом моим, ароматом полынных трав в доме моем явись. Всем известно, что жизнь и смерть так различны и так чужды, но в создание этих строк я все чувства мои вложил».

Прошло время, и студент, снедаемый печалью, продал свою землю и дом. Он никак не мог забыть о возлюбленной и непрестанно свершал поминальные обряды.

Однажды вечером откуда-то сверху он услышал ее голос:

— Господин мой, твои мольбы помогут мне в ином мире возродиться в облике мужчины. Пусть разлучило нас загробное царство, но, как и прежде, я полна к тебе горячих чувств и почтения. Господин мой, совершенствуй себя, занимаясь добрыми деяниями, и мы вместе минуем Колесо Судьбы.

Говорят, что студент так больше никогда и не женился. Он ушел в горы Чписан; там он собирал лекарственные травы. О дальнейшей его судьбе никто ничего не знает.

*О студенте Ли,
который заглянул за стену*

В Сондо у Верблюжьего моста жил студент Ли, и было ему восемнадцать лет от роду. Природа наделила студента блистательными талантами, да и собою он был хорош. Он изучал поэтическое искусство в конфуцианской высшей школе «Кукхак», куда ходил через деревню с названием Бамбуки. Там за высокой стеной в большом доме жила девушка Цой пятнадцати, а может быть, шестнадцати лет. Прекрасная своей внешностью, она к тому же искусно вышивала и умела слагать стихи. В этих краях только и разговору было что об изысканном и непринужденном в манерах юноше из рода Ли да о пленительной и скромной девице Цой, чьи одаренность и красота могли, как говорится, насытить голодного и напоить жаждущего.

Итак, каждый день Ли с книгами под мышкой проходил мимо дома Цой. Он любил отдохнуть там у стены, в тени гибких ив, посаженных вдоль ограды с северной стороны дома. Однажды, не утерпев, он заглянул за стену. Там пышно цвели великолепные цветы,

щебетали птицы, гудели пчелы. В благоухающих зарослях притаилась небольшая беседка с башенкой. За приподнятым занавесом виднелся свисающий донизу шелковый полог. В беседке юноша заметил девушку, а рядом с ней ее рукоделие. Подперев рукою щеку, девушка с задумчивым видом читала стихи:

Медленно вышиваю
одна, у окна.
А в зарослях пестроцветных
иволга мне слышна.
Душа о любви тоскует.
Я в думах сижу...
Иголку прочь отложила,
молчу и гляжу.
Вот юноша — кто он, откуда?
Синеет халат,
Широкого пояса кисти,
как ветки, висят.
О, если б я ласточкой стала,
живущей в доме,
Я в двери, через ограду,
порхнула б к нему!

Стихи эти взволновали студента, но беседка, как на беду, была далеко от стены, а массивные ворота оказались на запоре. Юноша, огорченный, отошел от стены, но на обратном пути из училища вновь остановился на том же месте. В руке он держал лист бумаги, испитый стихами:

Горы Ушань, все двенадцать вершин —
в туманных клубах ледяных.
Острые пики едва видны —
пурпур и зелень на них,

Досадно мне: живи, как Сян-ван,
спи один, одиноко мечтай!..
О, если бы вы спустились ко мне,
словно фея на гору Янтай!

Я — как Сыма Сян-жу, что так возжелал
назвать Чжо Вэнь-цзюнь женой,
Необъятнее моря, огромное гор
любовь, овладевшая мной!
Прекрасен сливы и персика цвет,
но где лепестки упадут?
Не умру ли я от любовной тоски?
Испытанья жестокие ждут!

Какая судьба постигнет меня?
Как распознать-угадать?
Все грустней, все печальней мне день ото дня,
нет сил так долго страдать!
Вы в стихах обещали, что сватовство
увенчается свадебным днем,
Но мост Ланьцяо пустынен пока...
О, когда же вас встречу на нем?!

Он привязал листок к обломку черепицы и бросил за стену. Девушка тотчас велела своей служанке Хян А пойти посмотреть, что это там упало подле беседки. Когда же та принесла листок со стихами, красавица Цой прочла их несколько раз подряд, и сердце ее наполнилось радостью. Тут же взяла она листок бумаги и вывела на нем: «Отбросьте все сомнения и в сумерки приходите вновь». Студент так и сделал. Когда стало смеркаться, он пришел опять. Видит, над стеной висит ветка персикового дерева, а рядом раскачивается что-то темное. Подошел ближе — и разглядел толстую ве-

ревку с бамбуковой плетенкой на конце. Став на плетенку, он уцепился за веревку и перебрался через стену.

В это время над восточными холмами взошла луна и на землю легли тени от кустов. Тонкий аромат разлился вокруг, и юноше показалось, будто он попал в обитель бессмертных. Сердце его трепетало от радости, но таинственность предстоящей встречи вселяла невольный страх. Ли почувствовал, как по телу его побежали мурашки. Некоторое время он робко озирался вокруг, пока не приметил в зарослях красавицу и ее служанку. Сидя на коврике, они рвали цветы и украшали ими волосы. Заметив студента, красавица Цой улыбнулась и прочитала такие стихи:

На сливе, на персике каждые сутки
все пышней расцветают цветы.
Подушку, где вышиты мандаринские утки,
озаряет луна с высоты.

Студент тут же ответил стихами:

Если станет наша любовь приметней,
всем и каждому напоказ, —
В тот же миг бессердечные сплетни
непременно опутают нас!

Услышав это, девушка изменилась в лице и спросила:

— Почему вы так говорите, господин? Я ведь и вправду хочу стать вашей женой и до конца дней прислуживать вам с метелкой и совком. Пусть свяжут нас навеки узы счастья. Государь мой, хоть я и жен-

щина, но в сердце моем нет страха. Отчего же вы, мужчина, такой робкий? Что ж, если пойдет недобрая молва и нас осудят родные, я одна буду за все в ответе.

— Хян А, — обратилась она к служанке, — принеси нам в беседку вина и фруктов.

Служанка пошла исполнять приказание.

Наступила тишина, не было слышно ни единого звука.

— Нельзя ли узнать, где мы с вами находимся? — спросил тогда юноша.

— Мы находимся в северной части сада, возле беседки. Должна вам сказать, что я — единственная дочь у родителей и они души во мне не чают. Эту беседку лотосового пруда они построили для меня, чтобы я гуляла здесь со своею служанкой и любовалась весенними цветами. Наши покои — там, в глубине сада. А здесь мы можем смеяться и шутить — никто нас не услышит.

Вернулась служанка, неся угощение. Девушка налила в чару вина и предложила гостю отведать, а сама быстро сложила и прочитала вслух стихи в подражанье древнему стилю:

Пруд прохладный, заросший лотосом,
окужили резные перила,
И в прибрежных цветущих зарослях
пара нежная заговорила.
В этот час, весной опьяненные,
забываемся сладко мы!
Вот туманы плывут благовонные
из вечерней ласковой тьмы.
Мы за ветку цветущую держимся,
сквозь цветы на тебя я гляжу,

Сколько новых стихов мы сложим
и споем на мотив «Байчжу»!..
Красный дождь лепестков струится,
гонит запахи ветер с гор,
А у ног наших тени лунные
повторяют ветвей узор.
Первый танец весны скрытан яблонь листвою,
чуть полою взмахну невзначай —
Всполошится над самой моей головой
пробудившийся попугай.

Юноша, не задумываясь, ответил:

В горы Таоюань привел меня путь,
там цветы на каждом шагу...
Много разных чувств распирают грудь,
только высказать их не могу!
На красавице — легкий зеленый халат
из пенькового полотна,
В черных прядках волос, уложенных в ряд,
золотая заколка видна.
Вон, качаясь слегка от любого рывка
благодатного ветерка,
Только что распустились на стебле одном
два блаженно-счастливых цветка.
Им, беспечно живущим, с дождем проливным,
с буйным ветром — бороться нельзя.
Развевается яркий халат, а за ним
колышутся тени, скользя.
Это пляшет Су-э в расцветающей чаще,
среди густых вечерних теней.
Неизбежна боль тоски предстоящей
после вешних, радостных дней!

Когда они допили вино, девушка сказала:

— Наша встреча предопределена была судьбою. Следуйте же за мной, господин, и не будем скрывать друг от друга своих чувств.

С этими словами красавица вошла в беседку с северной ее стороны. Ли последовал за ней и увидел лестницу. Поднявшись по ней, они очутились в опрятной чистой комнатке. Там стоял столик с письменными принадлежностями, а на стенах висели картины знаменитых художников. На одной изображены были скалы и река в тумане, на другой — бамбуковая роща и старое высохшее дерево. На каждой картине была стихотворная надпись неизвестного сочинителя. На первой студент прочел такие строки:

Чья могучая кисть,
чья рука
Начертала гору Фанху
высотой в тридцать тысяч чанов?
Проступает неясно она
сквозь рваные облака,
Вдоль подошвы тянутся
пряди рассветных туманов.
И хребты громоздятся
на сотни ли,
А когда поглядишь,
как встают в отдаленье
В смутных сумерках
темные волны земли, —
Вспоминаешь невольно
родное селенье.

Перед этой картиной
замирают все чувства и мысли,
Словно в ливень плывешь через реку Сянцзян,
над которой тучи повисли!..

В стихах на другой картине говорилось:

Вздохи ветра в бамбуковой роще
порождают странные звуки.
Ствол корявый, исполненный мощи,
простер узловатые руки.
Он стоит, несгибаемый страж,
и сражается с бурей осенней...
Да! Писавший этот пейзаж
был воистину гений!
Где возьму слова, чтоб его описать?
Я величье постичь не в силах!..
Где Вэй Янь, где Юй-кэ, чтоб его воссоздать?
Спят они в своих темных могилах.
Лишь они понимали искусства секрет, —
понимали сердцами своими.
А теперь их на свете давно уже нет,
мастерство их ушло вместе с ними.
Я растерян... Часами стою у окна,
на картину эту взирая.
И волнует мне душу она,
Чувства яркие в сердце рождая!..

На противоположной стене развешаны были рисунки: рука художника запечатлела одни и те же места в разные времена года. На каждом рисунке также были стихи неизвестных сочинителей. Иероглифы, написанные с необыкновенным изяществом, копировали письменный стиль Чжао, носившего прозвище «Снег Среди Сосен». Вот какая была надпись на первом рисунке:

Благовонья струятся
над расшитым пологом новым.
К пятой страже я пробудилась,
и густо летят
Лепестки абрикоса
багряным дождем мотыльковым
За окном... А в магнолиях
птицы все звонче свистят,

Днюют ласточки в женских покоях,
под кровлею старой,
Я ленюсь вышивать,
молчаливо слежу на заре,
Как порхают над клумбами бабочки —
пара за парой,
С опадающим цветом играя
в тени, во дворе.

На заре холодок
под халат проникает зеленый,
И с порывами ветра
в душе нарастает тоска,
Кто поймет мои чувства,
мой горестный ропот влюбленный?
Мандаринские утки
танцуют среди тростника.

Весенние краски яркие в саду
четвертой дочки Хуана.
Тени алых цветов на окне —
и нежны и легки.
Двор душистой травой зарос...
В сердце — жгучая рана.
Отвернув занавеску,
гляжу, как летят лепестки.

Стихи на втором рисунке звучали так:

Наливается в поле пшеница,
 молодые стрижки летят.
В южных садах повсюду
 заалел цветами гранат.
У швеи за окном зеленым
 Ножницы громко звенят, —
Кроит она красную юбку,
 на ножницах блещет закат.

Желтеет ранняя слива.
 Иволги под дождем
Свищут в листве акаций,
 влетают ласточки в дом.
Павлоний цветы опадают,
 побеги бамбук дает:
Это старый сезон увядает,
 это новый идет.

Абрикосы незрелые в иволгу
 без опаски можно кидать...
Веет ветер вдоль южной террасы,
 нам тепла все равно не видеть.
Листьями лотоса пахнет
 застоявшийся старый пруд,
И бакланы ныряют в затонах,
 зеленых, как изумруд.

В узорах волнообразных
 на ложе моем покров,
На ширме — виды реки Сяоян:
 вода и гряда облаков.

После обеда, совсем разленясь,
очнулась я ото сна...
Закатного солнца косые лучи
тянутся из окна.

На третьем рисунке поэт написал:

Свищет осенний ветер,
роса на траве холодна,
По-осеннему зелены воды,
по-осеннему блещет луна.
Гуси кричат и на теплый юг
улететь спешат,
А сухие листья тунга вокруг
шуршат, шуршат...

Под кроватью, надсадные, дружные,
стрекочут сверчки,
А красавице — слезы жемчужные
застлали зрачки.
Ведь любимый ее сражается
на краю земли,
Между ними теперь простираются
десять тысяч ли.

Покоя желанного — нет и нет,
хоть спи, хоть с кровати встань!
Нынче ночью так ярок лунный свет
над заставой Юймыньгуань.
Скроить бы другу одежду, но вдруг —
стали ножницы холодны!
У служанки тихо спросила уют, —
в нем угли темны...

Причесываться да на цитре бренчать —
печальный удел!
Крыша — вся в инее, лотос отцвел,
банан пожелтел.
От старой грусти, от новой тоски
как избавиться мне,
Когда в одинокой спальне сверчки
заливаются в тишине?

А на четвертом рисунке было начертано:

Скачет тень от ветки сливовой,
будто тянется к окну.
Задувает ветер с запада,
вижу яркую луну.
Ворошу в жаровне угли я,
не даю угаснуть им,
Жду, когда служанка явится
с пестрым чайником своим.

Залетают вихри снежные,
сотрясая хрупкий дом,
В полночь лес дрожит от холода
где-то в сумраке седом.
О любимом нынче видела
я тревожный сон:
Поле боя, трупы воинов,
среди убитых — он!..

Просыпаюсь, — солнце яркое
светит мне в окно.
Но в душе от сна полночного
все еще темно.

В вазе — ветка сливы тонкая...
Лучше б мне не спать,
Мандаринских уток шелком бы
вышивать опять!

Рощу гнет на склоне северном
ветер ледяной,
Вороны печально каркают
под седой луной.
Перед лампой о возлюбленном
горько плачу я,
Вышиваю — слезы капаят, —
не видать шитья...

Оглядевшись, юноша заметил в углу тщательно прибранную постель, наполовину задернутую пологом: красивое покрывало, подушки, а у постели курильницу, из которой волнами растекался тонкий аромат мускуса. От светильника с благовонным маслом в комнате было светло, как днем.

Несколько дней провели здесь студент и красавица, предаваясь радостям любви. Но вот однажды юноша сказал:

— Еще в древности мудрые люди говорили: «Родители должны знать, куда уходят их дети». Вот уже четвертый день я здесь. Мать и отец, наверное, заждались меня и глаз не спускают с дороги. Такой поступок недостойн почтительного сына.

Прекрасная Цой опечалилась, но со словами его согласилась.

Студент перелез через стену и исчез. С этих пор на день он уходил от возлюбленной, а вечером возвращался к ней.

Однажды отец сказал ему:

— Когда ты уходил утром и вечером возвращался, я знал, что ты постигаешь ученье древних мудрецов о гуманности и долге. Но теперь ты исчезаешь в сумерки и являешься только к рассвету. Значит, ты где-то распутничаешь, как говорят, «ломаешь ветку сандала за чужою стеной». Меня осудят, если узнают, что я по-творствую сыну. А кто та женщина, у которой ты бываешь? Если она из знатной семьи, то недостойное твое поведение ее порочит, пятнает честь ее дома. Шутить этим нельзя. Вот что, поезжай-ка ты в Ённам, будешь там вместе со слугами следить за хозяйством. Только не вздумай возвращаться назад!

Юноша повиновался и на следующий же день отправился в путь.

Каждый вечер выходила Цой в сад и в условленном месте ждала возлюбленного, а Ли все не являлся. Так прошло несколько месяцев. Цой решила, что он заболел, и тайно послала служанку к соседу студента.

— Юноша в чем-то провинился, — сказал сосед, — и старый Ли еще несколько месяцев назад отослал сына в Ённам.

Услыхав эту новость, Цой слегла, словно от тяжкого недуга. Она даже разговаривала через силу. Снадобья пить отказывалась и похудела так, что остались кожа да кости.

Перепуганные родители спрашивали, что у нее болит, но слова от нее не могли добиться. Однажды в одной из ее шкатулок отец с матерью нашли стихи, которые когда-то написал ей студент Ли.

— Чуть было не потеряли дочку! — ахнули старики и стали дознаваться, чьи это стихи она хранит. Дочь больше не стала таиться и все рассказала. Говорила она тихо, едва слышно.

— Батюшка и матушка! Вы взрастили меня, и доброта ваша поистине безгранична. Ничего не стану от вас скрывать. Узнала я из книг, что чувство — это главное в союзе мужчины и женщины. Еще в «Книге Песен» говорится о том, как девушка, собиравшая сливы, ждала счастливой минуты свиданья. Прочитала я «Книгу Перемен» и поняла, сколь пагубны бывают опрометчивые связи. Но что могла сделать я, слабая, словно ива? Я забыла стихи о сухих тутовых листьях, готовых упасть на землю, замочила свое платье ночною росой и ничего, кроме презрительных насмешек, не заслуживаю. Шелковые нити стянулись в брачный узел, и я стала женою. Знаю, проступок мой велик, заняла я честь семьи. Но не это меня печалит: друг мой, вкусив ароматный плод, меня покинул. Моя боль не утихнет долгие, долгие годы. Тоска и одиночество одолели меня, слабую и беспомощную; не проходит дня, чтобы не думала я о моем обидчике, и от этих дум мне все хуже и хуже. Чую я свою близкую кончину и знаю, что после смерти стану бесприютной душою... Исполните мое желание, батюшка и матушка, и я буду жить, а не исполните — придется мне умереть. Но и у Желтых источников я буду ждать своего возлюбленного. А если жива останусь, знайте: в другой дом ни за что не пойду!

Тут только мать с отцом поняли, что случилось с их дочерью, перестали докучать ей расспросами и постарались успокоить лаской да уговорами. А потом послали сватов с подарками в дом Ли.

Родители студента подробно расспросили о семье Цой, о ее достоинствах и так ответили:

— Сын наш молод годами и потому легкомыслен. Но в ученье он преуспел, к тому же хорош собою и статен. Наступит день, когда он поднимет голову, как

дракон, и воспарит, как феникс. Уповаю на будущее, не хотим торопить его с женитьбой.

Ответ семьи Ли сваты передали Цоям, а те вновь послали их к родителям студента с такими словами:

— Все знают, что красотой и талантом ваш сын превосходит других. Пусть он сейчас неприметен, словно дракон, свернувшийся в клубок. Но ведь не вечно будет он лежать на дне пруда! А для взлета ему нужна подруга. Давайте же быстрее сговоримся о свадьбе, и семьи наши породнятся.

Старик Ли выслушал сватов и на этот раз так им сказал:

— В юности я тоже читал книги и изучал каноны. Но вот пришла старость, а я так ничего и не достиг, Слуги мои разбежались, родственники ничем не помогают. Жизнь тяжела, а достатка в семье нет, не то что у вас, людей богатых. Где уж мне, жалкому книжнику, думать о женитьбе сына? Видно, какой-нибудь сплетник наболтал вам о нашей семье, а вы и поверили.

Сваты передали все в точности, и тогда родители Цой сказали:

— Заботы о свадебных подарках для невесты и все остальные расходы мы берем на себя. Давайте выберем счастливый день и объявим о свадьбе.

Услыхав это, старый Ли в конце концов передумал и отправил посыльного к сыну, чтобы узнать его желание. Свою радость юноша выразил в таких стихах:

Два осколка разбитого зеркала

соединились вновь,

Вороны, сороки на Млечном Пути

скрепили нашу любовь,

Лунный Старец навеки нитью одной
тебя сочетал со мной,
Не придется мне больше кукушкой лесной
куковать одиноко весной.

Услыхав радостное известие, Цой стала поправляться. Выздоровливая, она выразила свои чувства в таких стихах:

Наша злая судьба теперь
сменилась доброй судьбой.
Брачные клятвы, — любимый, поверь! —
дадут нам счастье с тобой.
В одной упряжке мы двинемся в путь,
храня эту вечную связь...
Чтоб сделать прическу и шпильки воткнуть,
с постели я поднялась.

Вскоре выбрали счастливый день и сыграли свадьбу. Соединились наконец-то две жизненные нити. Став супругами, молодые люди по-прежнему любили друг друга и почитали, как почитают дорогого гостя. Любовь их была так же велика, как любовь Лян Хуна и Мэн Гуан, Бао Сюаня и Хуань Шао-цзюнь. Но в счастье своем они не забывали и о долге. Уже на следующий год молодой Ли успешно сдал экзамен и быстро достиг высоких чинов. Слух о его таланте дошел и до королевского двора.

Наступил год синьчхук. Разбойники в красных повязках захватили столицу, король бежал в Покчу. Враги сжигали дома, убивали людей, резали скот. В то лихое время супруги и родственники теряли друг друга, беззащитные люди бежали куда глаза глядят.

Ли с женой очутились у каких-то пустынных скал. Они пытались спрятаться, но тщетно: один из разбойников погнался за ними с обнаженным мечом. Мужу удалось скрыться, а жена попала в руки врагов. Разбойник стал склонять ее к бесчестью.

— Убей меня, зверь! — вскричала женщина и осыпала его бранью. — Я никогда не свяжусь со псом! Пусть лучше меня сожрут волки или шакалы.

Рассвирепев, разбойник вонзил ей в грудь меч, а мертвое тело разрубил на части.

Долгое время скитался Ли по дикой пустыне и едва не погиб. А когда прошел слух, что разбойники уничтожены, он добрался до родительского дома, но, увы, нашел там одно пепелище. Тогда он направился к усадьбе жены. Все постройки когда-то богатого дома находились в мрачном запустении. Только мыши пищали в тишине да кричали птицы. Охваченный скорбью, Ли вошел в беседку и, сидя там в одиночестве, тяжело вздыхал и лил слезы. Уже зашло солнце. А он вспоминал полные счастья дни, промелькнувшие, как сон. Наступило время второй стражи. Выплыла луна. Ее бледный свет упал на перила. Вдруг послышались шаги. Все ближе, ближе — кто-то остановился у беседки. Ли пригляделся — перед ним стояла его жена. Он знал, что ее нет в живых, но вспыхнувшая в нем радость не оставила места сомнениям.

— Неужели ты жива? Где же ты была все это время? — спросил он.

Тогда жена взяла его за руку и залилась слезами:

— Ты знаешь, что я принадлежу к знатному роду и с детства воспитывалась по установленным правилам. Я научилась шить, вышивать, прочла «Книгу Песен» и «Книгу Преданий», постигла законы гуманности и долга. Усвоила я правила приличного поведения, но

трудно мне было понять, что происходит в мире. Тогда осмелилась я заглянуть за стену и раскрылась перед тобою, как драгоценная жемчужина. Сияя улыбкой, я перед цветами поклялась тебе в вечной любви. А потом за пологом наш союз был укреплен навсегда. — Тут скорбный голос женщины дрогнул. — Я мечтала прожить с тобой в согласии до самой старости. Кто мог подумать, что безвременная смерть разлучит нас... И все же я не уронила своей чести перед врагом и смерть предпочла позору. Я поступила, как велела мне совесть, хоть и пришлось принять за это немало мучений. Горько мне было расстаться с тобой у тех пустынных скал.словно две птицы, разлетелись мы в разные стороны, лишились крова и родственников. Душа моя не нашла приюта. Увы, человеческая жизнь так ничтожна, велик только долг. И я счастлива, что не запятнала себя бесчестьем. Одно меня удручает: кто пожалеет меня и соберет мои останки? До сих пор тлеют они где-то в пустыне. Стоит мне вспомнить о бывших радостях, как в душе невольно рождается обида на судьбу. Но, к счастью, тяжкие испытания позади. В мрачной теснине уже слышатся радостные напевы, и я возвращаюсь к жизни. Нити нашего союза, заключенного однажды на Пэнлае, бесконечны, и согласие наше будет процветать целых три жизни. Но не забывай: любой наш проступок, любой промах могут разрушить этот союз. Помни об этом, и мы будем счастливы, мой господин.

Обрадованный муж взволнованно воскликнул:

— Буду, всегда буду помнить!

Супруги долго говорили друг другу о своих чувствах. Потом Ли рассказал, что дом сгорел, а имущество растащили разбойники.

Но жена его утешила.

— Все ценное зарыто в ущелье, — сказала она.

— А где покоятся наши родители? — спросил Ли.

Жена сказала, что лежат они там, где настигла их смерть. Потом вновь, как в прошлые дни, супруги поклялись друг другу в любви, возлегли на ложе и предались удовольствиям.

На следующее утро они отправились к ущелью, нашли место, где было зарыто их добро — слитки золота, серебра и другие сокровища. Продав драгоценности, супруги схоронили родителей у склона горы Отвансан. Они насыпали холм возле дерева на могиле, принесли жертвы, — словом, сделали все, что было положено по обряду.

С этих пор Ли перестал думать о службе. Ничто в мире больше не интересовало его. Они жили с женой в полном уединении, в доме были лишь прежние слуги, вернувшиеся обратно. Изредка приходили родственники, кто с поздравлениями, кто с грустными известиями, но Ли обычно запирался в комнате и не выходил к ним. Так в тишине и в полном согласии прошло несколько лет.

Но вот как-то вечером Цой сказала мужу:

— Три счастливых поры знали мы в жизни. Выпали нам на долю и тяжкие испытания, и разлука, но радости прежних встреч нам не забыть никогда. А вот сейчас пришло время расстаться. — Проговорив это, жена тяжело вздохнула.

— Почему же? — испуганно воскликнул Ли.

— Видно, от судьбы не уйдешь. Так узнай же, что Небесный Владыка не стал рвать нить, соединявшую нас с тобою, потому что союз наш был непорочен. Владыка дал мне призрачную плоть и вернул на время к тебе, чтобы я справилась со своей печалью. Но нельзя же мне дольше оставаться в мире смертных и смущать земного человека.

Цой велела служанке подать вино, а сама сложила стихи на мотив «Весна в Яшмовой башне» и запела:

Война везде оставила след:
яшма разбита, цветы полегли,
У селезня — утки любимой нет,
разбросаны кости в сухой пыли.
Душа истомленная хочет уснуть,
и мне, — как на древней горе Гаотан
Ушаньской фее, — разъела грудь
разлука сильнее телесных ран!
Сегодня мы друг от друга уйдем,
жену от мужа судьба оторвет...
К смертным людям доходят с трудом
вести с небесных высот!

Рыдания подступили к горлу Цой, и песня оборвалась. Муж, охваченный скорбью, воскликнул:

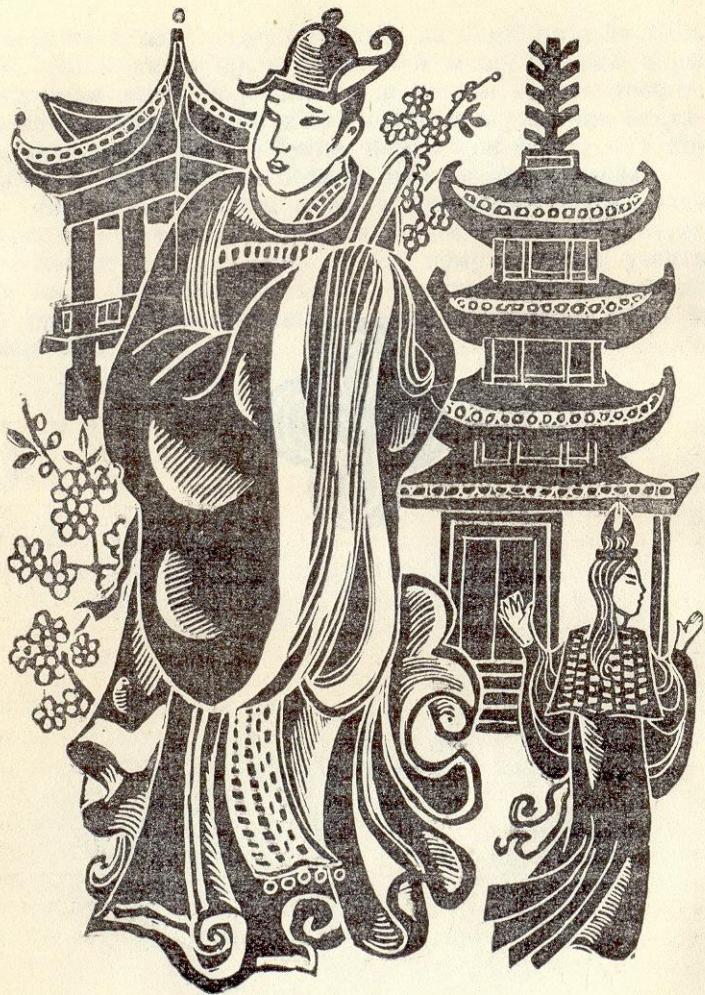
— Лучше мы вместе уйдем к Девяти источникам! К чему мне жить одному, без тебя! Подумай, сколько невзгод пришлось мне пережить! Родные и домочадцы неизвестно где. Отца и матери нет в живых. Если бы не ты, кто схоронил бы их останки, валявшиеся в безлюдной пустыне? Еще в древности говорили: «Почитай родителей при жизни, а когда умрут, похорони, соблюдая обычаи». Ты одна соблюдала их. Я благодарен тебе за твою почтительность к родителям и доброту, а за себя мне стыдно. Как хотел бы я никогда не расставаться с тобою, чтобы, прожив долгие годы, мы вместе превратились в тлен.

— Нет, — сказала жена, — твой час еще не настал, а мое имя вписано в «Книгу Душ». Я не могу оставаться на земле. Связать себя навсегда со смертным — значит нарушить заповедь Неба. И если это

свершится, кара падет не только на меня, но и на тебя. Об одном лишь прошу: пожалей меня, не дай моим останкам тлеть под солнцем и ветром. — Она посмотрела на мужа и зарыдала. Постепенно рыдания ее становились все тише. «Помни, помни мои слова», — в последний раз услышал бедный муж, и она исчезла.

Ли собрал останки жены и предал их земле возле могилы родителей. Вскоре он заболел от тоски и через несколько месяцев умер. И все, кому довелось узнать об этом, печально вздыхали, с восхищеньем вспоминая о супругах, исполненных высокого чувства долга и верности.

Пьяный в павильоне Плывущей Лазури

Город Пхеньян лежит на земле, издревле именуемой Чосон. Еще когда чжоуский царь У-ван одержал победу над государством Шан, он посетил там мудрого Киджа, и тот поведал царю «Великий замысел», рассказал о «Девяти разделах». У-ван отдал мудрецу во владение эту местность, но числить Киджа своим подданным не стал.

Чего только не увидишь в Пхеньяне: там Узорчатая гора и башня Феникса, и Тюлевый остров, и пещера Единорога, и скала «Обращенная к Небу», и городище Чхунам... Всех красот и достопримечательностей, прославленных еще с давних пор, и не перечесать. Одна из них — павильон Плывущей Лазури у храма Вечной Ясности. Храм этот прежде звался «Дворцом с девятью лестницами», и владел им правитель Тонмён-ван. Стоит храм в двадцати ли к северо-востоку от городской стены. Глянешь с высоты его вниз — увидишь реку, посмотришь вдаль — откроется бескрайняя равнина. Вот уж поистине прекрасное зрелище!

По вечерам расписные лодки и торговые суда, миновав ворота Тэдонмун, обычно останавливаются на реке возле утеса, поросшего ивами. И если кто из путников решит там заночевать, то не преминет подняться вверх по реке, вдоль и поперек осмотрит храм и возвращается убогатый. К югу от павильона есть две каменные лестницы с высеченными на них надписями: слева — «Лестница белых облаков», справа — «Лестница черных туч». Узорные каменные колонны вызывают у приезжих восторг.

В начале годов Послушания Небу в Сонгёне жил некий Хон — молодой человек из состоятельной семьи. Он обладал привлекательной наружностью, изящными манерами, а вдобавок и хорошим слогом. Однажды в праздник Средины Осени, — а он всегда приходится на полнолуние, — юноша вместе с компаньонами привез в Пхеньян на продажу полотно и шелк. Когда он причалил к берегу и сошел с судна, все прославленные певички города высыпали за ворота, чтобы поглазеть на него.

Живший в городе давний друг Хона, некто Ли, устроил в его честь пирушку, и молодой человек вернулся на судно, изрядно захмелев. Ночь выдалась прохладная, сон не приходил, и Хону вдруг вспомнились стихи Чжан Цзи о том, как поэт ночью приплыл к Кленовому мосту. Внезапный порыв охватил Хона: он прыгнул в лодчонку и, покорный какому-то смутному влечению, поплыл по освещенной луной реке. Вскоре он очутился у подножия павильона Плывущей Лазури. Привязав лодку в зарослях тростника, юноша поднялся по лестнице. Опершись на перила, окинул он взором дали. Чистый напев зазвучал в дыхании ветра. Лунный свет разливался вокруг, как море, нитями шелка блестели в нем волны речные, над отме-

лями дикие гуси кричали, а меж сосеп, стоя в росе, дрожал озябший журавль. Холодно и безмолвно было вокруг, словно юноша поднялся на луну, в Пурпурный дворец. С высоты устремил он взгляд на древнюю столицу: туманом окутаны побелевшие башни, волны бьются у обветшавших стен... Хотелось вздохнуть, как при виде пшеницы, растущей на развалинах иньских дворцов. И тогда Хон стал вслух сочинять стихи. Вот они:

* * *

В павильон, вдохновения полный,
я вошел над рекою Пхэган.
Плачут волны, — печальные стоны
долетают ко мне сквозь туман.
Духа тигра и духа дракона
в этих древних развалинах нет,
Но величье покинутый город
не утратил до нынешних лет.
Серебристые отмели блещут,
белый месяц в полночь высок,
И пролетные дикие гуси
принимают за воду песок.
В длинных травах, как звезды в тумане,
размерцались рой светлячков.
Берега Пхэгана безлюдны,
город пуст уже столько веков...

* * *

Вместо тронного зала — осенние травы...
Полон ветра и стужи древний чертог.
Где далекие годы расцвета и славы?
Смотрит лестница в небо — и нет к ней дорог...

Там, где жили певичи, — терновник колючий.

На руинах стены, под белесой луной,
Лишь вороны кричат и взвиваются тучей
Над лесистою кручей, во тьме ледяной.
Неужели навек, навсегда?.. Неужели?

Где богатство и роскошь, тепло и уют?
Только волны речные шумят, как шумели,
да на запад, все к морю бегут и бегут..
Как меняются судьбы!.. Но люди упрямо
гнезда выют, хоть от гибели на волоске!
Дальний звон колокольный из горного храма
слышу я, размышляя в глубокой тоске.

* * *

В Пхэгане волна — синей синевы,
а в душе нестерпима печаль:
Разрушенье, паденье, забвенье... Увы!
Мне величья прошлого жаль.
Над забытым колодцем струится листва,
в нем давно иссякла вода,
Тамариски да сосны над ним, и едва
серебрится в тучах звезда.

Я гляжу на забытый алтарь Небесам,
он в убранстве косматых мхов.
Шепчет ветер, шепчу нескончаемо сам
шелестящие строки стихов.

Край родной в этом дальнем и чуждом краю
вспоминаю, хмельной, с неизбывной тоской,
И, не в силах уснуть, на террасе стою,
под луной, над бегущей на запад рекой,

* * *

Как хорош в этот праздник осенней поры
свет, пролитый полной луной!
Но печально гляжу, как на склоне горы
мертвый город возник предо мной.
Постарели деревья у храма Киджа,
храм Тангуна приметен вдали.
Вижу, стены его — зеленой бирюзы
от лиан, что их оплели.
Где героев безмолвных могучий отряд,
где ушедших витязей след?
Лишь деревья и травы о них говорят
и о том — сколько минуло лет.
Да луна, как в древние те времена,
озаряя одежды мои,
Смотрит строго, — и льет на землю она
серебристого света ручьи.

* * *

Над восточной горой проплывает луна.
Не смолкают сорók и ворон голоса!..
Ночь, глубокая ночь холодна.
На одежде сверкает роса.
Где одежды и шапки чиновников? Где
кисти, свитки древних ученых? Давно
Поистлели в песке и подземной воде
и в забвенье ушли, на самое дно...
Древний город разрушен. В небесный чертог,
вознесся король; но если б сейчас,
По ошибке, на землю вернуться он мог,
что нашел бы ныне у нас?

От его золотых колесниц, от коней
не осталось даже следа, —
Заросла дорога травой, и по ней
лишь монахи идут иногда...

* * *

Студеная осень... С травы облетает роса,
посветлели уже облака вдалеке.
С переката чуть слышно журчат голоса —
души воинов суйских вторят реке.
Стала звонкой цикадой царевны душа, и грустна
ее песенка — не умолкает она!
Императорская дорога пуста: ни одна
на ней колесница теперь не видна.
На месте дворца — бурелом, поваленных сосен стволы,
лишь колокол шорит с глухой тишиной...
Слагаю стихи, взобравшись на гребень скалы,
но видом никто не любит вместе со мной,
Мне тревожно и сладко, веет ветер ночной.
Я стою и гляжу сквозь легкий туман
На холмы, озаренные полной луной,
на бегущий внизу Пхэган...

Когда было закончено шестое стихотворение, юноша, хлопая в ладоши и приплясывая, стал повторять строку за строкой. Время от времени он останавливался и переводил дух. Ни рокот струн, ни звук свирели не сопровождали его пение, но сколько было в нем разнообразных чувств: то казалось, будто пляшет дракон в мрачном ущелье, то будто стонет несчастная вдова в одинокой лодке.

Наступила уже третья стража, когда юноша наконец умолк и решил возвратиться, но вдруг с западной сто-

роны донесся звук приближающихся шагов; Хон решил, что это кто-нибудь из монахов, услышав его голос, удивился и пришел узнать, что здесь происходит. Молодой человек сел на ступеньку и стал дожидаться. Видит — появилась прекрасная дева в сопровождении двух прислужниц; у одной в руке опахало с яшмовой ручкой, у другой — веер из тонкого шелка. Строгостью одеяния и достоинством манер дева походила на барышню из знатного дома. Хон спустился с лестницы, притаился за стеной и стал смотреть, что они будут делать.

Облокотившись на перила в южной части павильона и любуясь луной, дева негромко запела. Нечто игривое появилось в чертах ее лица, но при этом оно ничуть не утратило своей благопристойности. Служанки разложили перед девой парчовые подушки. Она села, оправила одежду и спросила звонким голосом:

— А куда делся тот, кто слагал здесь стихи? Я ведь не дух, что насылает любовные чары, не обольстительница с ножками-лотосами!.. Какая удача, что сегодня куда ни глянь — на тысячи ли раскинулось безоблачное небо, катится по небу холодный круг месяца, и от блеска его побледнела Серебряная река! Опадают плоды с корицы, и похолодало в Нефритовом тереме. Можно ли в такую чудесную ночь не излить сокровенные чувства, кубком вина провожая каждую песнь!

Долго переминался Хон с ноги на ногу, не зная — страшиться ему или радоваться. Наконец он решился тихонько кашлянуть. К нему тотчас подошла служанка и сказала:

— Госпожа просит вас пожаловать.

Юноша робко приблизился и, отвесив поклон, опустился на колени. Красавица не выказала ему особого почтения, только произнесла:

— Можете подняться сюда.

Служанка мигом поставила между ними ширму, наполовину скрывшую лицо девицы. Та продолжала с невозмутимым видом:

— Что за стихи вы сейчас читали? Прочтите-ка их еще раз для меня!

Юноша вновь прочитал одно за другим все шесть стихотворений.

— А вы, оказывается, знаете толк в стихах! — с улыбкой сказала красавица и велела служанкам принести вино и закуски.

Кушанья оказались непривычные для смертного — такие твердые, что не укусишь. Вино тоже нельзя было взять в рот — одна горечь.

Дева с усмешкой промолвила:

— Может ли житель этого бренного мира оценить по достоинству нектар из белой яшмы и мясо красного дракона! Сходи поскорее в храм Священной Защиты, — приказала она служанке, — и попроси у монахов вареного рису.

А надобно вам сказать, что в храме том не было никаких монахов, одни только статуи архатов.

Служанка побежала исполнить повеление и очень скоро вернулась, неся, как и было ей сказано, вареный рис, только без всякой приправы. И снова раздался голос красавицы:

— Сбегай к Винному утесу и попроси какой-нибудь закуски. (А под утесом в озере жил дракон.)

Прошло совсем немного времени, и появилось блюдо с мелко нарезанным карпом. Хон с удовольствием принялся угощаться. Не успел он закончить трапезу, как дева написала на бумаге из листьев коричневого дерева стихи, созвучные по настроению стихам молодого человека. Через служанку она передала их Хону. Вот эти стихи:

* * *

Лунный свет над восточной беседкой
разгоняет ночную тьму.
Задушевные речи нередко
порождают печаль... Почему?
Ветви, словно зеленая крыша,
колонной высится ствол,
И река сияет, колыша
волны, как юбки подол.
Словно птиц перелетная стая,
проносились тут времена,
Шли события, нарастая,
как в реке — за волной волна.
На душе — томительно странно...
Кто поймет мой ночной полусон?
Из-за гущи лиан, средь тумана,
колокольный слышится звон.

* * *

От города к югу, в долинах плутая,
двумя рукавами ветвится река.
С криком слетает гусиная стая
на синий плес, на полоску песка.
Вовек королевская колесница
сюда не прикатит; скрылся дракон.
Могилой стала земля, — ей снится
свирельная трель минувших времен.
Облако озарено лучами
позднего солнца... Хмельна от вина,
Перед дождем в заброшенном храме
слагаю стих за стихом дотемна.

С болью гляжу на верблюдов медных,
позеленевших, скрытых листвою.
Жизнь, отгремевшая в бурях победных,
облачком стала и мглой дождевой...

* * *

Плачет цикада на высохшей ветке,
никнут желтые травы, шурша...
Едва поднялась я к высокой беседке —
тоской омрачилась моя душа.
Стихающий дождь и рваные тучи
напомнили мне о беге веков,
И символом бренности неминучей
упала в воду горсть лепестков.
А волны плещут снова и снова,
бьют о край скалистой стены.
Беседка, среди теченья речного,
озарена лучами луны.
Могучей жизни уклад старинный
когда-то цвел над этой рекой,
А нынче безлюдные эти руины
переполняют сердце тоской.

* * *

Горы — ярче парчи, воздух — чище слюды,
но пейзаж осенний печален...
Кроны кленов у берега шумной воды
скрыли стены развалин.
Что за странные звуки слышны вдалеке? —
Это стук вальков о каменья.
Чалят лодку, и крик на туманной реке
гулко слышится из отдаленья,

Одинокое дерево возле скалы
издает печальные вздохи.
Древний памятник выступает из мглы
отшумевшей, ушедшей эпохи...
Прислонившись к перилам, в беседке стою
молчаливо и строго.
Лунный свет и волна вторглись в душу мою, —
в ней печаль и тревога.

* * *

Дворец Владыки Небес чуть-чуть
горсткой звезд озарен.
Ясна луна, бледен Млечный Путь,
и в мире царствует сон.
Я только теперь осознала вполне,
что расцвет бесследно пройдет,
Что новое воплощение мне
лишь новую боль принесет.
Но в чарке не оскудело вино,
и нас дурманит оно.
Минувшее пылью покрылось давно,
тоскуй, не тоскуй — все равно!
Герои, чья слава храниться должна
вовсеки в преданьях людских, —
Истлели. Пустые одни имена
остались нынче от них.

* * *

Ночь склонилась к рассвету. Руины стены,
пережившей столько времен,
Озаряет свет равнодушной луны,
покидающей небосклон.

Скоро каждый из нас в мир особый, свой,
отойдет, утечет, как ручей.

И лишь память о радостной встрече со мной
пронесется сквозь тысячу дней.

Мы проститься должны над шумной рекой,
в этой беседке, увы!

Лучезарные звезды ушли на покой,
блещут росы на стеблях травы.

Но приникнет ли снова стих ко стиху?

Мы сойдемся ли снова и где? —

Легче персикам вызреть на голой скале
и в морях иссякнуть воде!..

Стихи девы привели юношу в восторг. Но тут ему показалось, что красавица собирается покинуть павильон. Желая удержать ее подольше, Хон обратился к ней с вопросом.

— Смею ли я узнать, из какого рода вы происходите и какое носите имя? — спросил он.

Дева, печально вздохнув, так отвечала:

— Ваша недостойная собеседница происходит из рода Киджа, предки мои — иньские властители. Когда древний мой прародитель получил во владение эту местность, он во всем — в ритуалах и музыке, в канонах и наказаниях — следовал заветам Чэн Тана и наставлял народ с помощью восьми заповедей. Оттого-то более тысячи лет процветала наша страна и распространялось в ней просвещение. Но пришло лихое время, Небо лишило нас своей благосклонности, разом обрушились на страну засухи и прочие беды. Государь, мой покойный отец, потерпел поражение от неизвестного простолюдина, и пришлось ему покинуть храм своих царственных предков. Ви Ман, воспользовавшись смутой, похитил его трон. Злой рок постиг страну Чосон.

Я же, слабая девушка, охваченная горем и смятением, решила ценой жизни сохранить верность трону. Вдруг мне явился некий святой и, ласково утешая меня, сказал: «Я — один из основателей этого государства. Как только закончился назначенный мне срок царствования, я удалился на остров посреди моря и приобщился к сонму бессмертных. Тому уже не одна тысяча лет. А ты, девушка, готова последовать за мной в Пурпурный дворец и в Потаенную столицу, чтобы жить там привольно и радостно?»

Я сказала, что готова. Тогда он взял меня за руку и повел за собой. Он поселил меня одну в павильоне и стал приносить мне эликсир бессмертия с Потаенных островов. Так прошло несколько дней, и вдруг я почувствовала, что тело мое обрело легкость, а дух — окреп; мне даже стало казаться, будто все существо мое переродилось. С той поры я свободно летаю между небом и землей, достигаю самых отдаленных пределов вселенной, побывала в десяти землях и на трех островах — в тех блаженных местах, где в гротах обитают бессмертные.

Однажды, когда ярко блистало осеннее небо, а яшмовый свод был прозрачен и ясен, когда свет луны потоком струился на землю, я запрокинула голову и стала смотреть на лунную жабу и коричное дерево. И тут во мне родилось неодолимое желание полететь на луну, и я полетела, взошла там в обитель Холода и Пустоты и в Хрустальном дворце преклонила колени перед Чап-э. Она же, видя, что я целомудренна, скромна и к тому же сведуща в науках, обратилась ко мне с такой речью:

— Хотя и зовут у вас обитель бессмертных краем блаженства, сотворена она из праха и из пыли. А как чудесно ступать по синеве небосвода и впрягать

в колесницу белого феникса, упиваться нежным ароматом под сенью алой корицы и, словно покрывалом, окутывать себя прохладными лучами в небесной лазури, празднично бродить по Нефритовой столице и купаться в Серебряной реке!

И велела мне Чая прислуживать при алтаре с благоговениями и помогать ей во всем. Наслаждалась я там блаженством, какого и не передашь словами.

Но нынешней ночью мною вдруг овладели думы о родине. Посмотрела я с высоты на этот бранный мир, недолговечный, как мотылек-однодневка, отыскивала знакомые с детства места. Все здесь осталось, как прежде, только близких людей уже нет. Лунным сиянием залиты поля былых сражений, белая роса омыла нагромождения развалин. Я рассталась с прозрачной твердью, опустилась поспешно на землю, поклонилась могиле предков. А потом мне захотелось побродить над рекой у павильона, дать выход глубокому чувству... Тут я встретила вас, ученый юноша, и меня охватили радость и смущение. И дерзнула я своей грубой, бесталанной кистью прибавить несколько строк к вашему драгоценному творению. Не потому, что нашла у себя дар слова, но лишь затем, чтобы поведать о своих чувствах.

Хон упал на колени и, коснувшись лбом земли, произнес:

— Я, низкорожденный и невежественный, не смел даже надеяться, что дева из царского рода, небесная фея откликнется на мои строки!

Он приблизил к себе листы с ее стихами, проглядел их еще раз и тут же запомнил. Затем снова почтительно склонился и сказал:

— Не просветленный благодатью, я глубоко погряз в грехах и не в силах вкусить пищу бессмертных. Поистине чудо, что я хоть немного разбираюсь в письме-

нах и рисунках и слышал кое-что о заоблачных напевах. Я, разумеется, не могу и мечтать о всех четырех удовольствиях жизни, но прошу вас написать мне в написание сорок двустий на тему: «Любуюсь луной осенней ночью в беседке над рекой».

Красавица кивнула, насытила тушью кисть, взмахнула ею — и на бумаге словно тучи завихрились и за клубился дым. Минута — и стихи были готовы:

К павильону Плывающей Лазури
лунной ночью упала роса.
Млечный Путь
нежным светом омыл небеса.

Тень навлоний —
не преграда палящей жаре.
Лунный мир
потонул в серебре.

Здесь двенадцать террас —
и по-своему все хороши.
Ветерок
пробудился в душистой глуши.

Он коснулся
утомленных поникших ресниц,
Будит их,
словно дремлющих птиц.

На бегущих волнах
остроносые лодки видны,
И жилье бедняка
освещается светом луны.

Виден остров,
где густые цветут камыши,
И сдается — звучит
затаенная песня в тиши.

Красота этих мест
в изумленный вторгается взор.
Все вокруг
словно яшмовый высек топор.

Так прекрасен дворец,
где владыка — подводный дракон.
Мир — как царство умерших,
где факел огромный зажжен.

Гун-юань и Чжи-вэй
побывали тут вместе со мной.
Лунный свет
падал вниз, как поток ледяной.

И пугал
в царстве Вэй длиннохвостых сорок...
Что за зной —
даже ветер не впрок!

Озаряет луна
черных буйволов княжества У...
Вся земля
в эту пору глядит на луну.

Мы замок
нашим старым ключом отомкнем
И вдвоем
веселиться пойдем.

В эту пору Ли Бо
подымать свою чарку любил,
И У Ган
ствол коричный упорно долбил...

Белой ширмой
восхищен вознесенный мой взор:
На шелку
вышит пестрый узор,

Надо мной
колесо ледяное — луна,
Над моей головой,
словно зеркало, блещет она,

Под луной
на бегу золотится волна.
И вокруг —
тишина, тишина...

Острый меч подниму
и коварную жабу убью,
В западню
зайца лунного я заманю.

Дождевая
с края неба развеялась мгла
И дымок
с горных троп увела,

Выше старых стволов
этой древней террасы порог,
А к реке
пролегли десять тысяч дорог,

Кто не сыщет
верный путь свой у этой реки —
Пропадет
на чужбине с тоски.

Я вернулась домой,
на родимую землю свою,
Друга встретив,
с ним рядом стою.

Поверяем друг другу
мы заветные чувства сейчас,
И вино
чем-то сблизило нас.

Сочиняя стихи,
мы устроили нынче какчхок
И глотком
проводим каждый глоток,

Пусть в жаровне
потемнел уже уголь давно,
Но горит
в наших чарках вино.

Пена бьет через край,
и куренья струят аромат.
Журавли
между сосен тревожно кричат.

Донеслось до меня
заунывное пенье сверчка —
Я опять
загрустила слегка.

Вижу, словно сквозь даль:
вот с Инь Хао на башне Юй Лян...
Как время летит!
Где башня была — там бурьян.

А на кленах,
у развалин стены крепостной,
Сверкает роса,
все сильнее блестит под луной...

Желтизну камышей
на лету взволновал ветерок,
Небосвод
над волшебной страной широк.

Здесь когда-то
красовался дворец-исполин,
А теперь —
только груда руин.

Остается от нас
только имя на камне седом!
Журавли,
расскажите вы мне о былом!

Острый месяц
округлился над морем листвы.
Человек —
лишь поденка, увы!..

Был когда-то дворец,
а теперь — только храм на холме.
Прах царей
затерялся в лесах и во тьме.

У опушки
блуждают рои светляков.
Полон дом
голубых огоньков...

О минувшем грущу
и о том, как летят времена.
Но ведь жизнь
и сегодня тревоги полна.

Только кости
от Тангуна остались в Монмёк,
От Киджа —
только камень да мох.

Словно единорог
спрятал след свой в пещерную тень,
А в полях
наконечники стрел сушэнь...

Но, ткачихой подхлестнут,
поспешает зеленый дракон,
И Лань-сян
возвратилась на трон,

Утомленный стихами,
кисть и тушь отодвинет поэт,
Расстаемся...
Для бесед уже времени нет.

Фея кончила песню,
свой затихший конху унесла,
И слышны
только всплески весла.

Дева отбросила кисть, взмыла ввысь и исчезла неведомо куда. Но перед тем, как покинуть юношу, велела служанке передать ему такие слова: «Строги веления Небесного Владыки. Настала пора — уже впрягают белого феникса; не окончена возвышенная беседа, тоска проникла мне в душу».

Вдруг налетел вихрь, сбил юношу с ног и вырвал у него заветные листы, видимо, затем, чтобы стихи гостыи из иного мира не распространялись среди людей. Хон застыл в растерянности и погрузился в глубокое раздумье. «Сон ли то был? Вроде бы не сон... Наяву ли это было? Не похоже, что наяву...» Опершись на перила, он старался припомнить каждое слово прекрасной девы. Вновь и вновь переживая чудесную встречу, он сокрушался, что не высказал деве своих чувств, и в конце концов сложил такие стихи:

В павильоне чудесная встреча!

Она — как сон под луной.

Мне доведется ли снова

напиток испить неземной?

Даже бесстрастные волны

плачут вместе со мной!

Прочитав стихи вслух, он огляделся вокруг и прислушался: гудел колокол в горном храме; в прибрежном селении пели петухи; луна ушла на запад, и в небе ярче заблестели звезды. Слышно было, как пищат крысы да цикады поют возле павильона. Скорбь и благоговейный трепет овладели Хоном — он страдал оттого, что не смог удержать красавицу. Спустившись к реке, юноша сел в лодку и, вконец расстроенный, поплыл к тому месту, где покинул своих спутников. На судне его стали спрашивать, где он провел

ночь. Хон в ответ выдумал, будто еще с вечера ему пришло в голову порыбачить при луне. Взял-де он удочку, добрался до Чангёнмун — ворот Долгого Счастья — и расположился возле скалы «Обращенной к небу». Думал было добыть, что называется, «золотую чешую», однако ночь оказалась холодной, и в студеной воде не удалось поймать даже карася. Такая досада!.. Никто из спутников не стал допытываться, так ли было на самом деле.

С той поры Хон все думал и думал о прекрасной деве. Он стал чахнуть, ослаб и исхудал. Когда он добрался до дому, мысли его путались, а речь была несвязной. Долго метался он в постели, но болезнь все не проходила.

Однажды юноша увидел во сне красавицу в изысканном одеянии. Она подошла к нему и сказала:

— Дева-госпожа замолвила за вас словечко перед Верховным государем. Ценя ее за таланты, Верховный государь соизволил определить вас в свиту бога созвездия Волопаса. Таково повеление Небесного Владыки, и никто не смеет его нарушить!

Юноша проснулся в страхе и тут же велел домашним умыть его, переодеть, возжечь курения, подмести двор и разложить циновки. Потом он лег, подпер рукой щеку и незаметно отошел. Случилось это в девятом месяце, как раз во время полнолуния. Несколько дней пролежал он в гробу, но цвет лица его не менялся. И люди решили, что он приобщился к сонму небожителей.

Остров, плавающий в огне

В начале годов Завершенного Творения жил в Кёнджу студент по имени Пак, стремившийся постичь конфуцианское учение. Он часто ходил на занятия в Тхэхагкван — Палату Великого Учения, но экзамен так и не выдержал. Это и печалило его и огорчало, однако он неизменно сохранял гордость духа и независимость в поступках, а потому многие считали его человеком, хотя и благородным, но заносчивым. Впрочем, он всегда был прост с людьми, искренен, доброжелателен, и земляки хвалили его.

Одно время студента стали смущать разные мысли о буддийских монахах, шаманах, о вере в бесов и духов; сомневаясь во всем, что ему приходилось об этом слышать, Пак искал ответа на свои вопросы в «Учении о середине», обращался к старинным толкованиям «Книги Перемен». Благодаря открытому характеру он сблизился с двумя-тремя монахами, как в свое время

Хань Юй сблизился с Тай-дянем, а Лю Цзун-юань — с Ши-сюнем. Уважая его за начитанность, монахи, хотя и были старше, охотно подружились с ним, как подружился некогда Хой-юань с Цзун Бином и Лэй Цы-цзуном, а Чжи-дунь — с Ван Си-чжи и Се Анем.

Однажды утром, придя к монахам, Пак попросил их рассказать о рае и аде. Вновь усомнившись, он рассудил про себя так: «Небо и земля суть всеобъемлющая совокупность женского начала Инь и мужского Ян, откуда же взяться за их пределами какому-то там раю или аду? Ясно, что все это ересь!»

Он поделился с монахами своими сомнениями, но те не смогли сказать ничего вразумительного и принялись рассуждать о воздаянии за содеянное добро и зло. Тогда студент написал трактат, дабы предостеречь себя и впредь не сбиться на ложный путь, когда придется иметь дело с несправедливыми учениями. В трактате среди других содержались такие рассуждения:

«Обычно говорят, что в Поднебесной царит единое начало. Единое — значит, другого быть не может. А название этому началу — «природа вещей». Природа вещей предопределена Небом. С помощью сил Инь и Ян, а также пяти первоэлементов Небо дает жизнь всему сущему. Сначала вещественная первооснова образует тело, затем к нему присоединяется разумное начало. Что же это за начало? В повседневной жизни каждое явление подчинено своему закону. Если речь идет об отношениях между отцом и сыном, то в них должны полностью проявиться родственные чувства; если говорить о государе и подданном, то каждый из них обязан во всем подчиняться велениям долга. Точно так же установленному пути должны следовать в своих отношениях мужья и жены, старшие и младшие. Значит, разумное начало живет в наших сердцах и направ-

ляет их. Будешь ему следовать — обеспечишь себе спокойствие. Будешь действовать вопреки ему — пойдешь против природы вещей и запутаешься, как в густой траве. И в этом — конечный итог всех размышлений над законами разума и природой вещей, всех попыток проникнуть в суть явлений.

Все люди на земле одинаково обладают душой, одинакова их природа, и каждое явление в Поднебесной таит в себе разумное начало. И если с помощью чудесных способностей нашей души, сообразуясь с нашей раз навсегда определенной природой, исследовать разумное начало вещей и в каждом явлении добираться до его самых сокровенных истоков, то неизбежно станут понятными все законы, управляющие Вселенной. Нужно сказать, что наше сердце вполне способно вместить в себя самые главные из этих законов. Опираясь на них, можно постичь все, что касается государства и Вселенной. Применишь их к Небу и земле — не ошибешься; будешь им следовать — бесы и духи не введут тебя в искушение; законы эти равно приложимы и к древности и к современности, познать их — вот, собственно, к чему должен стремиться конфуцианец. А в то, что у Вселенной может быть какое-то иное начало, как утверждают еретики, — я не верю».

Однажды ночью у себя в комнате, при свете лампы, Пак читал «Книгу Перемен» и незаметно задремал, опустив голову на подушку. Вдруг он очутился в неведомой стране. То был остров посреди океана, на котором не росли ни травы, ни деревья, а под ногами вместо песка и камней всюду были медь и железо. Днем от страшной жары остров начинал плавиться, и огонь озарял небо. А ночью жители страны стонали от жестокого, пронизывающего до костей ветра, который налетал с запада.

Посреди океана, подобно скале, высилась железная стена, а в ней — одни-единственные ворота с огромными прочными запорами. Стражники с длинными клыками и свирепыми лицами преграждали пиками и булавами путь в город. Жилища все были сделаны из железа, так что днем люди буквально плавились от жары, а ночью замерзали от холода. Только утром и вечером они оживали, покидали жилища, и улицы наполнялись говором, даже смехом, так что можно было подумать, будто им не так уж худо живется.

Пока студент изумленно осматривался вокруг, его окликнул один из стражников. Растерявшийся от страха Пак не посмел послушаться приказа и смиренно приблизился к воротам. Стражник, опершись на копьё, спросил Пак, что он за человек. Студент дрожащим голосом назвал свое имя, сказал, где, в каком государстве он родился, а потом добавил:

— Я, скромный приверженец конфуцианского учения, позволил себе нарушить покой столь блистательного вельможи, как вы! Моя вина достойна наказания, но я кланяюсь вам до земли и прошу извинить великодушно мою бесцеремонность.

Стражник возразил:

— Конфуцианский ученый должен быть нестигаемым и бесстрашным, а вы, сударь, готовы пополам переломиться! В наших краях давно уже ждут человека, постигшего сокровенные начала. Да и наш государь хотел бы повидаться с вами, чтобы услышать вести с Востока. Присядьте же ненадолго, я доложу о вас.

С этими словами стражник поспешно скрылся за воротами, но вскоре вернулся и сообщил:

— Государь приглашает вас на трапезу в покои, где обычно занимается делами. Вам надлежит отве-

чать на вопросы громко и смело, откиньте робость и ничего не таите, чтобы народ наш мог постичь суть великого учения.

Тут появились два отрока — один в черном одеянии, другой в белом. Каждый держал в руках свиток. Один свиток был исписан синими иероглифами по черному полю, другой — красными по белому. Отроки развернули свитки перед Паком. Среди перечня имен, сделанного красными иероглифами, он нашел такую запись: «Студент Пак, проживающий в таком-то государстве, в нынешней своей жизни не совершил проступков, а посему жителем этой страны быть не должен».

Студент спросил:

— Что это за свитки, которые вы мне сейчас показывали?

— Черный свиток — это перечень злых дел, — отвечали отроки, — в белый заносятся добрые деяния. Тех, чьи имена значатся в белом свитке, государь чествует как почитаемых ученых, согласно ритуалу. С теми, кто попал в черный свиток, обходятся как с простолюдинами. Впрочем, за прегрешения их не карают... Вам государь непременно воздаст все подобающие почести.

Не успели отроки удалиться со своими свитками, как примчалась украшенная драгоценностями колесница с сиденьем в форме лотоса. Ее сопровождали статные юноши в ярких одеяниях, с опахалами и зонтами. Впереди, размахивая копьями, рядами выступали воины, криками расчищая дорогу. Уже сидя в колеснице, студент осмотрелся и прямо перед собой увидел три ряда городских стен. За ними, у подножия золотой горы, высились дворцовые башни. Повсюду бушевало пламя, его длинные языки вздымались до

неба. На обочинах Пак заметил прохожих, они ступали по расплавленной меди и железу, как по грязи. В нескольких десятках шагов от колесницы сверкал на дороге огонь, неподвижный, словно выточенный из золота; огонь этот, видимо, был волшебным.

Когда колесница подкатила к царским чертогам, все врата оказались широко распахнутыми. Пруды и беседки, башни и терема — все напоминало земной мир. Навстречу Паку с поклоном вышли две юные красавицы и под руки ввели его в ворота дворца. В это время с лестницы спустился сам царь со скипетром в руке, в парадной шапке и резном нефритовом поясе. Студент пал ниц, не смея поднять взор.

Царь промолвил:

— Наши страны во многом не схожи, и нет между ними связи. Но подобает ли многоученому благородному мужу унижать себя перед лицом власти и могущества?

Царь взял Пака за рукав и вместе с ним проследовал во дворец.

Внесли золотое ложе с яшмовой спинкой. Усевшись и усадив гостя, царь велел подать чай. Глянув тайком, студент, к удивлению своему и ужасу, заметил, что вместо чая несут расплавленную медь, а вместо фруктов — железные шарики. Но отказываться было поздно. Оставалось только ждать, что будет дальше. Угощение поднесли ближе — и вдруг весь дворец наполнился густым ароматом лучшего чая и вкуснейших плодов.

Когда чай был выпит, царь обратился к студенту с вопросом:

— Вы никогда не слыхали о нашей стране? Этот остров носит название Ёмбуджу, что значит — «Остров, плавающий в огне», а гора за дворцом именуется

Окчхосан — «Горой воды и огня». К названию острова мы добавляем «южный», поскольку он находится в южной части Вселенной. «Плавающим в огне» его нарекли оттого, что он как бы плавает в великой пустоте, окруженный огромными языками пламени. А меня зовут Ёмма — «Закаленный в пламени». Более десяти тысяч лет правлю я этой страной и вместе с долголетием обрел волшебную силу. Нет теперь такой тайны, в которую я не сумел бы проникнуть, нет желания, которое я не мог бы исполнить. Когда Цан-цзе изобрел иероглифы, я послал людей записать их. Мои подданные отправились защитить Гаутаму, когда он стал Буддой. Только три мудрых властителя древности да еще Чжоу-гун и Конфуций обошлись без меня и сами защитили себя с помощью Учения.

— Что вы думаете о Чжоу-гуне, Конфуции и Гаутаме? — спросил Пак.

— Чжоу-гун и Конфуций, — отвечал царь, — мудрецы, возвращенные среди блеска наук и искусств Срединного государства, Гаутама же — мудрец, явившийся среди безнравственных дикарей Западного края. Как бы пышно ни расцвели науки и искусства, человек по природе своей остается строптивым и мелочным, и чтобы направлять его, нужны Чжоу-гун и Конфуций. Дикари невежественны, но не всегда тупы, есть среди них люди способные; поэтому необходим Гаутама, чтобы предостеречь их от дурных поступков. Чжоу-гун и Конфуций в своем учении ересь побеждают истиной, Гаутама же тщится устранить ересь с помощью ереси. Когда ересь побеждается истиной, слова прямые и правдивы; когда ереси противопоставляется ересь, слова вздорны. Правдивому и прямому охотно следуют благородные мужи. Вздорные — по душе людям ничтожным. Но и те и другие в конце концов

неизбежно пойдут стезей истины, ложным учениям не удастся обмануть мир и ввести людей в искушение.

— А что вы можете сказать о бесах и духах? — снова спросил студент.

— Бесы суть порождения темного женского начала, духи — начало светлого, мужского, — отвечал царь. — В бесах и духах оба эти начала нашли свое действительное воплощение, в них же проявляется и творческая сила природы. Именуемые при жизни людьми и тварями после смерти называются бесами и духами, но по сути своей они едины.

— У людей есть ритуал жертвоприношений бесам и духам. Так вот, духи, которым приносят жертвы, и духи, созданные природой, — это одно и то же? — продолжал спрашивать студент.

— Да. Разве вы не читали, что сказано об этом у конфуцианских первоучителей? Бесов и духов нельзя ни увидеть, ни услышать, но, как и все в мире, они созданы либо соединением, либо разъединением сил Инь и Ян. Принося жертвы Небу и Земле, мы тем самым воздаем должное творящей силе Инь и Ян. Жертвоприношения в честь гор и рек — не что иное, как дань уважения созидательному духу природы, воспаряющему и ниспадающему. Вознося моления предкам, мы чтим первооснову своего существования. Принося жертвы духам, стремимся отвести от себя несчастья. Все это люди делают для того, чтобы выразить свое благоговение. Не следует думать, что откуда-то вдруг появятся какие-то существа из плоти и крови и станут раздавать кому счастье, кому несчастья. Просто люди воображают их себе в то время, как в смирении и печали возжигают ароматные

травы. Таков смысл изречения Конфуция о том, что бесов и духов нужно почитать, стараясь держаться от них подальше.

— Но ведь существуют зловредные силы, губящие все вокруг. Можно ли причислить их к бесам и духам? — поинтересовался студент.

— Под бесами подразумевается нечто изогнутое, под духами — нечто распрямленное. Изогнутое, распрямившись, именуется духами, силами природы. Изогнутое, но не способное распрямиться — называется демонами, закосневшими во зле. Духи неотделимы от породившего их начала и не оставляют зримых следов. Закосневшие во зле демоны имеют видимую форму; они живут среди людей и вымещают на них свою злобу. Их, демонов этих, великое множество. Одни селятся в горах, другие — в воде, третьи — среди камней в реке или в лесу. Есть также демоны, приносящие вред, есть просто досаждающие нам; есть принимающие чужое обличие и есть вводящие в соблазн.

Непостижимое и обладающее сверхъестественными способностями именуется духами. Возвращающееся к своему корню — именуется бесами. У Неба и людей один закон, и различие между ними ничтожно. Возвращение к корню называется Покоем; возобновление жизни именуется Постоянством; бесконечное творение, не оставляющее следов, получило название Дао — Путь.

Потому-то и говорят: бесы и духи многообразны в своих проявлениях.

И снова обратился к царю студент:

— Вашему слуге довелось слышать от последователей Будды, что на небесах будто бы есть рай, обитель блаженства, а под землей — ад, место страданий;

десять ванов правят в нем областями мрака, а все его восемнадцать темниц заполняют узники. Правда ли это? И еще. Когда на земле умирает человек, его родственники на седьмой день после кончины постятся и молятся Будде за упокой его души, приносят жертвы владыке загробного мира и жгут бумажные деньги, дабы избавить усопшего от наказания за грехи. А вы, государь, могли бы, к примеру, простить насильников или распутников?

Изумленный царь отвечал:

— Ничего подобного мне слышать не приходилось! Древние говорили: сочетание Темного и Светлого образует Путь, чередование раскрытия и сокрытия составляет Превращение; круговорот жизни называется Переменами, отсутствие дурных помыслов называется Честностью. И если древние были правы, то может ли быть за пределами Вселенной еще какая-то вселенная, а за Небом и землей — какие-то иные небеса и земли?

Далее, Истинный ван — царь — есть тот, к кому обращены сердца всего народа. Вплоть до трех династий все, кто властвовали над людьми, именовались «ванами», других титулов у них никогда не было. Создав «Весны и осени», Конфуций утвердил незыблемый для всех государей великий закон. Государи из Дома Чжоу получили — в знак особого уважения — титул «великий ван», и стало невозможным именовать этим титулом правителей иных земель. Когда же Цинь уничтожила шесть уделов и объединила все земли между четырьмя морями, ее властелин возомнил, что сочетает в себе добродетели трех древних «хуанов», превосходит заслугами пять «ди». И стал он именовать себя не ваном — царем, а хуанди — императором. В ту пору многие присвоили себе титул вана, — государи из Вэй, Лян, Цзин и Чу. Этот титул

стали раздавать направо и налево и принизили тем самым почтительное прозвание Вэнь-вана и У-вана, Чэн-вана, и Кан-вана... Да стоит ли говорить о низости и невежестве, о безудержности людских страстей. Лишь в мире духов пока еще царит строгий порядок... Откуда же взяться стольким ванам в одном и том же краю? Разве вы, сударь, не слышали, что на Небе не бывает двух солнц, а в государстве — двух ванов? Значит, все эти рассказы о десяти ванах не заслуживают доверия.

Что же касается соблюдения поста, поминания душ, жертвоприношений, сожжения денег — обо всем этом мне известно лишь немного. Не могли бы вы рассказать поподробнее об этих сумасбродных обрядах?

Студент отодвинулся от стола, поправил полы платья и стал говорить:

— По нынешним обычаям на сорок девятый день после кончины отца или матери и знатные и простолюдины перестают следовать благопристойному ритуалу и исполняют лишь непотребный обряд «поминания» души покойного. Богатые расточают деньги, стараясь ослепить своим великолепием, бедные же доходят до того, что продают поля и жилища, занимают деньги под будущий урожай. Из разрисованной бумаги делают подобие жертвенного мяса, из лоскутков шелка — цветы; созывают бритоголовых монахов, веря, что в грядущем это принесет им счастье; воздвигают непристойные статуи и почитают их своими духовными наставниками. Слово птичий гомон и мышинный писк, разносятся окрест их гнусные песнопения. Не хочется даже говорить об этом...

А на поминки приводят жен и детей, скликают друзей и близких. Мужчины и женщины толкуются

вместе, сквернят и портят все вокруг. Так, священная земля превращается в грязный свинарник, тихая обитель — в шумное торжище. А еще призывают тех, кого сами же нарекли «десятью ванами», готовят яства им в жертву, жгут бумажные деньги, чтоб от них откупиться. Что же делать этим «десяти ванам»? Забыв о приличиях и долге, с жадностью наброситься на подношения? Или же держаться законов и правил и сурово карать виновных, сообразуясь с установлениями? Вот что гложет меня, недостойного, и гнетет так, что я не в силах больше молчать. Разрешите же, умоляю, мои сомнения!

— До каких крайностей дошли! — вздохнул царь. — А ведь человека с самого его рождения Небо наделяет духовной природой, земля дает ему средства к жизни, государь направляет его с помощью законов, отец наставляет в учении, родные воспитывают лаской. Таким образом, каждая из пяти обязанностей на своем месте и три главных устоя не перепутаются. Благо тому, кто им следует, горе тому, кто идет против них. Притом и благо и горе человек испытывает еще при жизни.

После же смерти духовная и телесная первооснова рассыпаются и восходят или нисходят к своим истокам. Зачем же тогда подземное царство?.. Правда, бывает порой, что души напрасно обиженных и безвременно погибших, не найдя успокоения в смерти и не проявив своей сущности, стеножат над полями битв, у погребенных под песками крепостей или в домах, где живут несчастья и обиды. Иногда они устами шамана приносят живым добрые вести или вселяются в людей, чтобы излить свои жалобы. Но и эти души, не исчезнувшие сразу после смерти, в конце концов непременно уйдут в небытие. Как же могут они

обрести форму и терпеть муки в обители мрака? Мужу, познавшему природу вещей, должно понимать это.

Еще более нелепо поститься в честь Будды и приносить жертвы вану — владыке ада. Ведь пост есть обряд очищения, совершаемый для того, чтобы потом вновь можно было творить нечистые дела. Само же имя Будды олицетворяет чистоту, а ванами величают лишь тех, кто внушает почитание и трепет. Книга «Весны и осени» осуждает властителей, жадных до колесниц и злата, только со времен Хань и Вэй цари ввели в употребление драгоценности и шелка. Подобаает ли чистому божеству питаться подношениями людей? Может ли почитаемый государь загробного мира принять взятку от грешника или допустить применение земных пыток и наказаний? Мужу, одаренному проницательным умом, стоило бы поразмыслить об этом.

Студент снова спросил:

— Не поясните ли вы, как следует понимать бесконечность круговорота живых существ, после смерти возрождающихся в ином облике, снова умирающих и снова возрождающихся?

— Круговорот длится до тех пор, пока не рассеялась духовная первооснова. С течением времени она распадается и исчезает без остатка.

— А как же вы, государь, оказались правителем этой необычной страны? — спросил студент.

— При жизни я всеми помыслами был предан своему вану и, одержимый праведным гневом, карал мятежников. Я даже поклялся карать их после своей смерти, обратившись в демона. Ничего иного я не желал, а когда погиб, верность моя была вознаграждена: я стал правителем этого недоброго края. Под-

данные мои — бывшие царубийцы, мятежники, на-
сильники и злодеи. В новом своем перерождении они
отданы мне во власть, чтобы я исправил их злые
сердца. Тот, кто не обладает прямою и бескорыстием,
и дня не сможет процарствовать в этой местности.
А я вижу, что вы, сударь, человек прямой, с силь-
ной волей. Вы не погрязли в мирской суете, но за всю
жизнь вам так и не представился случай проявить
себя. Вы как неотшлифованная яшма из Цзинских гор,
брошенная в пыль; как ясная луна, потонувшая в омуте.
Прискорбно, что не отыскал вас искусный мастер, и
никто на земле не узнал о такой драгоценности!

Срок, отмеренный мне судьбой, подходит к концу,
скоро отдам я свой лук и меч. Ваши дни на земле
тоже сочтены, ждет вас могила среди сорных трав.
Кому же, как не вам, сударь, править этой стра-
ной!..

Дальше беседа их продолжалась уже на пиру, пол-
ном веселья и радости.

Царь попросил студента рассказать о возвышении
и гибели трех племен хан. Пак отвечал обстоятельно.
Когда он дошел до событий, приведших к созданию
государства Корё, царь несколько раз горестно вздох-
нул и промолвил:

— Не подобает властителю страны тиранить и гра-
бить народ. Ведь народ только кажется смиренным
и послушным, а в душе таит мятежные помыслы.
С каждым днем, с каждым месяцем, как лед в сильные
морозы, растет опасность смуты. Достойный муж не
должен силой домогаться трона. Хотя Небо и не доку-
чает своими советами, но неизменно учит всех, живу-
щих на земле, как надлежит поступать. Строги пове-
ления Верховного Владыки. Ведь государство населяют
простые люди, а право на власть правителю дает

Небо. Если Небо отнимет это право, если сердца народа отвернутся от правителя, он не сможет сохранить даже собственную жизнь.

Затем Пак рассказал о тех императорах и царях прошлых династий, которые почитали еретические учения и вызвали этим недобрые предзнаменования.

Царь нахмурился:

— Если народ распекает веселые песни, а тут вдруг случаются наводнение или засуха, — это значит, что Небо предостерегает государя, учит его осторожности и скромности. Если же народ ропщет, а предзнаменования обещают удачу, значит, нечистая сила опутала монарха и толкает его на путь гордыни и распутства. А позвольте узнать: когда государям прошлого являлись благие предвещения, пребывал ли народ в спокойствии или кричал от обид?

— Как мог он пребывать в спокойствии, если повсюду роем вились негодные чиновники, то и дело рспыхивали междоусобицы, а восседавшие наверху лицемерием и жестокостью домогались славы и почета?

— Вы правы, сударь, — произнес царь, глубоко вздохнув.

Когда пир закончился, царь окончательно решил передать Паку свой трон и собственноручно написал указ:

«Сей остров есть всистину земля зачумленная, сюда не ступала нога Юя, не доскакали скакуны Му-вана. Багровые облака застилают здесь солнце, ядовитый пар обволакивает небо. В жажду здесь пьют раскаленную медь, в голод глотают искрящийся жидкий чугуи. Одни лишь демоны-людоеды, исчадия ада, могут ходить по этой земле, и даже оборотням и злым духам не

дано здесь своевольничать. На тысячу ли — стена из огня, в десять тысяч уступов — железные горы. Упрям и свиреп здешний народ, только праведный человек разгадает его коварство. Загроможден горами и изрыт пропастями весь этот остров, не приобщить его к просвещению без добродетельной помощи.

Достоцимый гость из Восточной страны справедлив и бескорыстен, тверд и решителен; он обладает выдающимися качествами, в нем таится талант просветителя умов. И хотя в земной жизни слава и почести миновали его, нравственные устои этого человека будут нетленны и после кончины. Кто же, кроме него, станет опорой жителей этой страны? Ему придется вести их по стезе добродетели, приобщать к древним ритуалам в надежде сделать высшее благо достоянием народа. Он осуществит возвышенные помыслы и поможет всем достичь гармонии и покоя. Согласно воле Неба он установит разумные основы, подражая Яо, наследуя Шуню... Поистине высокого уважения заслуживает гость из Восточной страны».

Студент принял указ, поклонился и собрался уходить. Царь созвал чиновников и простолюдинов, велел им поздравить Пака и проводить его с почестями, подбавляющими наследнику престола.

На прощание он сказал Паку:

— Мы расстаемся ненадолго; вскоре вам предстоит вернуться сюда. Обо всем, что вы здесь слышали, расскажите людям, пусть рассеются их заблуждения.

Студент снова поклонился и благодарно воскликнул:

— Весь остаток моих дней я употреблю на то, чтобы отплатить за ваши милости!

Едва он выехал за городские ворота, как колесничник опрокинул колесницу, Пак ударился оземь, в ис-

пуге поднялся — и понял, что ему снился сон. Он открыл глаза и осмотрелся: книга его валялась на постели, огонек в лампе почти угас. Пак долго вздыхал и наконец решил про себя, что скоро придет его смертный час. Отныне он проводил дни в заботах, улаживая семейные дела. Прошло несколько месяцев, и юноша занемог. Уверенный, что болезнь неизлечима, он отказался от врачей и знахарей и вскоре умер. В ночь перед кончиной ему приснилось, что некий святой обходит его соседей и говорит каждому: «Ваш сосед Пак станет Ямараджей — Владыкой потустороннего мира».

На пиру во дворце дракона

В Сондо есть гора с высокой острой вершиной, назвали ее Чхонмасан, что означает «Трущаяся о небо». Из глубины ее выходит на поверхность Ёнчху — «Драконов источник». Этот источник еще называют Пагён — «Бездонной тыквой-горлянкой», ибо узкое отверстие, из которого он вытекает, уходит, постоянно расширяясь, в толщу горы на много-много чанов. Вода низвергается водопадом с высоты в сто с лишним чанов. Освежающая прохлада и красота привлекают к этому месту странствующих монахов, ни один путник не пройдет мимо, чтобы не осмотреть источник. Еще в давние времена прошел слух, будто обитает там некое сверхъестественное существо. Даже в исторических сочинениях о нем упоминается, ныне же каждый Новый год правители страны совершают в его честь жертвоприношения.

Во времена прежней династии жил молодой человек из рода Хан. С юных лет преуспевал он в науках и был известен при дворе, все отзывались о нем как об ученом муже. Однажды под вечер, когда юноша отдыхал в своей комнате, откуда-то с высоты небесной вдруг спустились двое — с виду чиновники, в синих одеждах, в крылатых шляпах «покту». Они распростерлись ниц во дворе и произнесли:

— Священный дракон из «Бездонной тыквы» просит вас пожаловать к нему в гости!

От изумления и испуга молодой человек изменился в лице:

— Ведь пути духов и людей никогда не скрещиваются, как же я могу воспользоваться его приглашением? Кроме того, дворец дракона стоит в глубине всепоглощающих волн; отправиться туда — значит подвергнуть риску собственную жизнь.

— Крылатый скакун ждет вас у ворот, так что сделайте милость, не отказывайтесь! — отвечали посланцы. Они еще раз поклонились и вывели юношу за ворота, почтительно касаясь рукавов его одежды.

Там и вправду стоял крылатый конь сивой масти. Седло на нем было золотое, поводья яшмовые, попона из желтого шелка. При нем находилась чуть ли не дюжина слуг — все в красных повязках, спускающихся на лоб, в парчовых штанах. Они помогли Хану взобраться на коня и, раскрыв церемониальные стяги в форме зонтов, двинулись вперед. За ними следовали певицы и музыканты, а замыкали процессию сами посланцы с дощечками для записей в руках.

Но вот конь взмыл в воздух и полетел. Не стало видно земли, все вокруг заволочло туманом, быстро поплыли навстречу облака. Через несколько мгновений

процессия оказалась перед воротами дворца. Стражи с огромными выпученными глазами, облаченные в доспехи из панцирей крабов и черепах, стояли несколькими рядами, выставив перед собой пики и алебарды. Они склонили головы, отвечая на поклон юноши. Затем Хана пригласили отдохнуть на заранее приготовленном ложе, — видимо, его тут ждали. Похожие на чиновников посланцы пошли доложить о нем. Вскоре появились два отрока в темных одеждах; сложив ладони, они учтиво предложили Хану следовать за ними. Молодой человек поднялся и неторопливо пошел, мимоходом взглянув на ворота дворца; там была надпись: «Врата человеколюбия».

Едва Хан вошел в ворота, как тут же увидел царя-дракона в высокой «рассекающей небо» шапке, с мечом на поясе и регалиями в руках, который шел ему навстречу. Царь повел Хана вверх по лестнице, в Хрустальный дворец, и там пригласил его воссесть на ложе из белого нефрита. Хан низко поклонился и стал отказываться:

— Я всего лишь невежественный человек из бренного мира, удел мой — истлеть, подобно тому как глеют деревья и травы. Смею ли я беззастенчиво пользоваться столь великодушным приемом и посягать на то, что предназначено для священных особ!

Царь ответил:

— Я давно мечтал познакомиться с таким славным мужем, как вы. Явите же благоволение и принимайте все как должное.

И жестом, выражающим глубокое уважение, царь вновь пригласил Хана сесть. Юноша еще дважды отказывался, но в конце концов сел на указанное место, лицом к западу. Царь же опустился на усыпанное драгоценностями ложе и обратился лицом к югу.

Едва они расположились таким образом, как при-
вратники доложили:

— Гости пожаловали!

Царь пошел встречать вновь прибывших. Их оказа-
лось трое. Осанка у них была поистине царская. Оде-
тые в красные халаты, они восседали в разукрашенных
паланкинах. Каждого из них сопровождала внушитель-
ная свита. Пока царь поднимался с ними во дворец,
молодой человек стоял у окна в ожидании, когда гости
войдут и усядутся, чтобы представиться им. Но вот
царь уговорил наконец гостей сесть лицом к востоку
и сказал им:

— Незадолго до вас из подлунного мира по моему
приглашению пожаловал сей ученый муж. Прошу вас,
государи, во всем доверять ему.

С этими словами он дал знак слугам подвести Хана.
Тот быстро приблизился и церемонно поклонился. Го-
сти в ответ склонили головы.

Теперь Хан решительно отказался занять прежнее
место:

— Как могу я, бедный ученый, восседать наравне
с высокочтимыми божествами!

— Мы с вами из разных миров, неподвластных один
другому, — отвечали гости. — А священный ван, наш
владыка, хорошо разбирается в людях, и слово его для
нас — закон. Раз он говорит, что вы прославили себя
в науках и искусствах, значит, это правда. Так что
просим вас не отвергать приглашение священного
вана!

Тут уж молодому человеку ничего не оставалось,
как робко опуститься на колени у самого края пир-
шественного стола.

— Усаживайтесь поудобнее! — обратился к нему
хозяин Хрустального дворца.

Когда наконец все расселись и слуги подали чай, царь-дракон повел такую речь:

— Есть у меня одна-единственная дочь, и достигла она уже той поры, когда волосы закалывают шпилькой и надевают шапку. Настало время выдать ее замуж, но жилище наше убого, нет в нем спальни для новобрачных, да и гостей негде принять. Вот и решил я построить новый зал и назвать его «Счастливая встреча». Уже заготовлены и дерево и камень, собрались искуснейшие мастера, недостает лишь надписи, которая украсила бы притолоку. Прослышав о том, что имя ваше, ученый друг, славится среди всех трех племен хан, что талантом вы превосходите многих мудрецов, я попросил вас совершить столь дальний путь, дабы вы могли осчастливить меня такой надписью.

И только царь произнес эти слова, как перед ложем Хана появились два отрока. Один из них держал тушечницу из голубой яшмы и кисть из пятнистого бамбука, второй — свиток ослепительно-белого шелка. Опустившись на колени, они поднесли все это Хану. Юноша отвесил им поклон, затем выпрямился, быстро увлажнил кисть, и знаки полились на шелк. Казалось, они клубятся и догоняют друг друга, как тучи.

Вот что написал Хан:

«Среди всех существ, обитающих во Вселенной, дух-дракон обладает самой чудесной силой. А из дел людских ничего нет важнее, чем выбор достойной пары. Новым блеском тогда озаряется дом и создается основа грядущего счастья. Поэтому, когда в песне поется: «Кричат утки, славят прекрасную пару», — речь идет о семье, через которую проявляются бесконечно многообразные творческие силы природы. В книге сказано: «Если

увидишь летящего дракона, тебя ждет встреча с великим мужем». Это указывает на доброе предзнаменование, явленное нам таинственной силой. И вот ради семьи создается новое подобие дворца Эфан, далеко разносится громкая слава; созывают работников, обитателей морского дна, свозят драгоценности для украшения стен.

Из хрусталя и кораллов устремляются ввысь колонны, из «драконьих костей» и прозрачного камня повисли мосты. Поднимешь жемчужную занавеску — синяя дымка окутала горы; растворишь нефритовую дверь — облачко вьется над входом в пещеру. Хорошо будет здесь новобрачным и всей семье, ждет их счастье на многие-многие годы. Взыграют цитры и гусли, и, ветвям золотым подобны, потомки пойдут чередой бесчисленной, не страшась ни ветров, ни туч, помогая всесозидающей силе в ее свершеньях. То в небеса взмывая, то погружаясь в пучину, они будут вселять надежды в смертные души; тайно и явно да споспешествуют они Верховному Владыке в его добрых помыслах. Высоко взовьются они меж небом и землей, и слава об их достоинствах наполнит ближние и дальние края. Черные черепахи и красноперые рыбы примчатся, чтобы воздать хвалу новобрачным: лесные чудища и горные духи, сменяя один другого, явятся с поздравлениями. Нам же надлежит сложить в их честь несколько строф: с песней легче будет поднять узорные балки.

Эй, хватайте, тяните балку,
на восток ее двинете вы!

Там уходят горные цепи
в океан густой синевы.

Там, в ущельях, глубокой ночью
перекатный слышится гром,
Вспышки молний алмазным блеском
озаряют скалы кругом.

Эй, хватайте, тяните балку,
на закат ее двинете вы!
Там гнездятся горные птицы
в зарослях жесткой травы.
Там чисты озерные воды,
не измерить их глубину.
Там веселый весенний ветер
за волною гонит волну.

Эй, хватайте, тяните балку,
заносите теперь на юг!
Там дворец притаился в чаще,
но не видно господ и слуг...
Над зеленым озером сосны
вознесли прямые стволы,
И струятся у водной глади
покрывала туманной мглы.

Эй, хватайте, тяните балку
и — на север ее... Вот так!
Там, на севере, вместо солнца
проникает в пучину мрак.
Там, как белый шелковый полог,
уплывающий в небосвод,
Млечный Путь по ночам сияет
и сливается с блеском вод.

Эй, хватайте, тяните балку —
эта пусть устремится ввысь,
Где в просторах огромного неба
краски радуги ярко зажглись!
Там, вдали, за Восточным морем,
начинается край земли.
Разлилась водяная стихия
там на многие тысячи ли.

Эй, хватайте, тяните балку,
вниз кладите ее, туда,
Где сады струят ароматы,
где весна красотой горда!
Необъятен колокол неба,
необъятна и радость в нас.
Да прольется на мир чудесный
щедрый дождь в этот светлый час!

Припадая к земле, желаю, чтобы сомкнулись брачные чаши, чтоб обрели друг друга супруги. Пусть посетит их беспредельное счастье, а благоденствию их не будет конца. Пусть благовещное облако заполнит яшмовые чертоги, пусть веселье и радость воцарятся на ложе любви! Да скажется все величие добродетели нежных супругов, и в полном блеске явят себя их природные совершенства!»

Когда надпись была готова, Хан поднес ее царю-дракону. Царь прочел и, исполненный восторга, передал свиток гостям, а те даже застонали от восхищения. Тогда царь-дракон устроил пир в честь сочинителя и во славу его насыщенной кисти. Хан преклонил колени и произнес:

— Смею ли я осведомиться об именах собравшихся здесь почтенных особ?

— Вам, как обитателю подлунного мира, гости мои, разумеется, неизвестны, — ответил царь. — Один из них — дух реки Чоган, второй — дух реки Накха, третий — дух реки Пённан. Я пригласил их как достойных составить общество для столь ученого мужа.

Принесли вино, заиграла музыка. Десять или двенадцать красавиц с бровями-бабочками начали танец. Они высоко воздевали изумрудные рукава, пленительно махали цветами; то приближаясь к пирующим, то отдаляясь от них, красавицы запели «Мелодию синей пучины»:

Зелены горные склоны,
синяя ширь холодна.
В синей пучине бездонной —
холод и тишина...
Водопад алмазно искрится,
брызги сыплет к ногам,
Он словно к небу стремится,
к заоблачным берегам.
Господин, средь потока стоящий,
чует струн серебряный звон,
И смех наш, звонкий, манящий,
с улыбкой слушает он.
Осанка его величава,
достоинствам — нет числа,
Ему сопутствует слава,
бессмертны его дела.
В какую счастливую пору,
в какой торжественный час
Предстал он нашему взору
и скромностью радует нас!

В храм веселья и света
те, кто призваны счастьем служить,
Призвали земного поэта
гимн достойный сложить.
Воспоем же почетное дело,
и балки поднимем ввысь!
Нацедим вина, чтоб кипело,
чтоб радости мы напились!
Пляшите, смейтесь и пейте!
Пусть слышится далеко,
Как дракон играет на флейте,
торжественно и легко.
Глядим на духов великих,
сидящих вокруг стола,
И в наших праздничных кликах
громом гремит хвала!

Закончился танец, и вот уже десять, а то и больше
отроков с флейтами и опахалами закружились в пляске
и запели «Мелодию вихря»:

В теплой одежде, в поясе зимнем
житель предгорья бодро идет.
Облаком быстрым, облаком дымным
тает над ним убывающий год.
Мчатся со свистом вихри тугие,
волосы гостя треплют они.
Меркнут одни, а на смену другие
вспыхивают холодные дни.
Вихрем вздымаются в озере синем
яркие складки шелковых вод...
Наши одежды весело скинем
и — закружится подводный народ!
Дальние горы, зубцы и отроги
бледно заволокло синевою.

Ключья тумана, как осьминоги,
плавно взмывают над головой.
Мутно вино, но скучать не могли бы
мы, обитатели водных палат.
Пьяные гости, пьяные рыбы
в пьяных волнах запевают не в лад!..
Ну-ка, затянем песню иную:
пой да пляши, пей да пляши!
Лей из кувшина влагу хмельную —
благо и радость, отраду души!
Пенное зелье вскипает, играя...
Грусть и заботы скорей заглуши,
Сердце любовью наполни до края,
пой да пляши, пей да пляши!

Довольный царь захлопал в ладоши, осушил чарку
и поднес Хану кубок из носорожьего рога. Потом сам
заиграл на яшмовой свирели и, не сдерживая охватив-
шего его восхищения, спел отрывок из «Наневова водя-
ного дракона»:

Пусть сверкают подводные глыбы,
пусть веселые песни звенят!..
Воскурите, счастливые рыбы,
неземной, голубой аромат!
Пейте, гости, под музыку, пейте,
и душа ваша будет легка,
Пусть, покорны яшмовой флейте,
испарятся, как дым, облака.
Голубой аромат благовоний
наплывает — волна за волной,
А мелодия, в радостном звоне,
словно ветер, скользит надо мной...
Правит миром земным разлука,
быстро старится человек,

Пролетает стрелой из лука
каждый день, каждый год, каждый век,
Как вина забывается сладость,
так забудется музыка... Пусть!
Видно, там, где кончается радость,
начинается горькая грусть.
Меркнут западных кряжей вершины,
льется бледный туман, и, ясна,
Над восточной горой из низины
поднялась, словно блюдо, луна.
Что ж, поднимем круглые чаши,
вопрошая у круглой луны:
Неужели земля чем-то краше
или чище морской глубины?
Пусть вино, словно волны морские,
переплескивает через край!
Пейте, гости мои дорогие!
Лейся, музыка, слаще играй!
И давайте, с такими словами
сбросив ношу забот и тревог,
Мы всплывем и взлетим вместе с вами
в лучезарный, небесный чертог!

Царь умолк, окинул взглядом собравшихся и сказал:

— У жителей земного мира совсем другие игры и забавы. Давайте же по-своему, как умеем, повеселим достойного гостя.

Тут вперед вышло какое-то странное существо, повертелось, прошло боком и, назвав себя латником Го, заявило:

— Ваш слуга — пустынный, живущий средь скал, отшельник песчаных нор. В восьмую луну, когда ветер свеж, я приношу дань на берегах Восточного моря,

В девятую луну рассеиваются тучи, и я упиваюсь светом у Южного колодца. Внутри желтый, снаружи круглый, я покрыт твердым и защищаюсь острым. Случается, рвут меня на куски, ввергают в котел-треножник, я же всегда готов пострадать ради блага людей. На вкус я так нежен и тонок, что у суровых мужей веселеют лица; тело мое так забавно, что, глядя на меня, улыбаются достойные жены. Пусть Чжао Луния ненавидели жители вод, зато Цянь Кунь часто бывал обласкан в чужих краях. После смерти я стану добычей Би Чжо, но образ мой сохранится, благодаря кисти Хан Чжингона. Люблю я повеселиться, коль выдастся случай, умею попрыгать для удовольствия гостей!

И вот, одетое в латы, вооруженное копьем существо приблизилось к пирующим. Оно брызгало слюной, таращило глаза, вращало зрачками, двигало конечностями. То оно топталось на месте, то устремлялось вперед, то вновь отступало. Это была пляска «Восьми ветров». Потом к пляшущему присоединилось из толпы еще несколько десятков таких же существ. Они кружились, падали навзничь, а затем под музыку запели песню:

Мы в пещерах глубоких живем,
нам просторы подводные любы.

Мы всегда — при оружье своем,
плавники — как тигровые зубы!

Все готовы отчизне отдать,
вплоть до жизни своей, коль надо.

Мы не сменим воды благодать
на соблазны земного сада.

О вода! Всех питомцев ее
не сочтете вы, люди, вовеки!

Но у каждого — имя свое,
сердце в каждом — как в человеке.
Мы поем на пышном пиру
во дворце у царя-дракона.
Кто куда расплывемся к утру,
а сейчас — веселье законно.
Только факелы на берегах
нам грозят неминучей бедою
Да терзает неведомый страх,
настигая нас под водою.
И когда так тоскуем мы,
будто слышим глухие угрозы, —
Чуть мерцают средь полутьмы
наши жемчужные слезы.
Мы не мстим никогда, никому,
ни по злобе, ни по капризу,
И опущены потому
смертоносные копыя книзу.
Лишь невежды смеются порой
над владыками нашей державы,
И мудрец, хоть сам не герой,
верит в добрые, честные нравы.
Он собратьев приветствовать рад,
он поддержит слабых, недужных,
И плывет голубой аромат
от клешней его светло-жемчужных.
Как сияет вечерняя высь!
Как роскошен пир благородный,
На котором сейчас собрались
обитатели глуби подводной!
Царь наш, глядя в небесный простор,
«Песнь дракона» поет горделиво,
И торжественно вторит хор,
как волна во время прилива.

Бело-яшмовый стол накрыт,
 ходит чара с вином круговая
И холодную кровь горячит,
 к ликованию призывая.
Как чудесно струна звучит,
 наполняя восторгом душу!
Эта музыка к небу летит
 и волнами плещет на сушу.
Аромат золотого вина
 веет счастьем и добрыми снами,
И от неба до самого дна
 реют горные духи над нами.
Дышат жители моря и рек
 новой верой необыкновенной:
Мил и дорог нам стал человек,
 словно горный орех бесценный!

Тут они снова пустились в пляс, закружившись в левую сторону и выгибая тела в правую, то откатывались назад, то бросались вперед, и, глядя на них, пирующие заливались хохотом.

Затем появилось существо, назвавшееся «Черным учителем». Оно волочило по полу хвост, вытягивало шею, тяжело дышало, уставясь глазами в одну точку. Приблизившись, существо сказала:

— Ваш слуга — отшельник из зарослей тысячелистника, любитель погулять среди лотосовых листьев. Из реки Накха я принес людям знаки, восславившие подвиги могущественного Юя. На Чистой реке я, нопад в сети, сделал явью сон Изначального государя. От людей я готов принять любые мученья, боюсь лишь, что не вытерплю, когда будут сдирать панцирь. Богато он изукрашен, достоин быть в числе сокровищ Цзая Вань-чжуна. Тверды мои внутренности, темна моя

броня, в груди таится дух могучего воителя. Лу Ао сажился верхом на меня в море, Мао Бао отпустил меня в реку. При жизни я возвещаю счастливые времена, после смерти становлюсь сокровищем чудесного Пути. А теперь я хочу закричать во весь голос, чтобы выкрикнуть все, что накопилось во мне за тысячу лет!

И прямо перед пирующими хвостатое существо выпустило изо рта тонкую, как нитка, струю длиной в добрую сотню чхок, а потом втянуло ее обратно. Оно то трясло головой, то втягивало ее под панцирь, приближалось, отдалялось и, наконец, исполнило танец под названием «Девять подвигов», сопровождая его песней:

Эй вы, жители рек, озер и морей,
водяное дурное зверье!

Многих я мудрей, потому что старей,
поживите-ка вы с мое!

Я желаю тысячу радостных лет,
всем, чья кровь холодна, всем, чья кровь
горяча,

В чешуе и в броне выползайте на свет,
длинный хвост за собой волоча!

Положите на красную глину хвосты,
вас, по смерти, судьба вознесет

В государство безоблачной высоты,
на лазурный небесный свод!

Сквозь несущие нас водяные струи
далеко я вперед смотрю.

Не святой, не провидец я, братья мои,
но опорой служу царю.

Редкий выдался случай народу всему.

Эй, глядите сквозь водную мглу, —

Царь-дракон перед нами; должны мы ему
возгласить достойно хвалу!
Я про древние книги не раз говорил
властителям рек и озер.
Их премудрость с собой ношу, как носил,
их твержу с незапамятных пор.
Не кидается мудрый слепо в борьбу,
не пытается слепо рискнуть.
Он заранее знает свою судьбу,
выбирает правильный путь.
Но, конечно, случается так, что мудрец
попадает внезапно в беду...
Панцирь мог потерять я, грозил мне конец,
думал я: от беды не уйду.
Но друзья мои, рыбы, явились тотчас
и надежно укрыли меня,
А теперь я пою и танцую средь вас,
водяная моя родня!
Преклоняюсь я низко пред силой того,
кто способен парить в небесах,
Поздравляю и славлю сегодня его
от имени всех черепах!
Вкруговую пустили мы в бездне морской
золотую чару вина,
Нас никто не осудит за праздник такой —
от небес до песчаного дна!
Так дружнее же грянем в тхаго и споем,
чтоб слышали нас на земле,
Чтобы даже драконы в ущелье своем
заплясали навеселе!
Всех собрал царь-дракон в подводный чертог,
горных духов, старейшин озер,
И Вань Цяо светильник холодный зажег,
освещая темный простор...

Перед нами роскошные яства стоят
на широком белом столе,
А высоко над нами волны шумят,
как драконы, вздымаясь во мгле.

Затем все смешалось: плавные танцы водяных жителей сменялись такими стремительными плясками, что невозможно было уследить за движениями танцующих. Духи деревьев и камней, горные и лесные чудища запели, засвистели и задудели кто во что горазд. Пляска, хлопанье в ладоши, чтение стихов нараспев — все слилось в невообразимый шум. Зрители же кричали и гоготали от восторга. Наконец все вместе запели:

То в пучине таится священный дракон,
то взлетает ввысь, в небосвод,
Десять тысяч веков господствует он
над народом, что в море живет.
Он поэта нынче к себе пригласил,
что лицом с небожителем схож;
Нам прекрасную надпись поэт подарил,
восхищая царя и вельмож.
Словно жемчуг — ряды стихотворных строк, —
мы на скипетре вырежем их,
Чтобы тысячи лет повторять их мог
обитатель глубин морских.
Этим пиром прощается мудрый наш царь
с дивным гостем из дальней страны.
Песня, громче звучи! Барабан, ударь,
чтобы гром долетел до луны!
Мы радушно подносим друг другу вино,
поднимаются чаши, как весла гребцов.
Пьем, подобно китам, и блюдем заодно
ритуал благородных пиров.

Когда песня кончилась, три царственных гостя опустились на колени. У каждого из них были готовы стихи. Дух реки Чоган написал:

Изливаются реки
в бирюзово-лазурное море,
Волны с шумом бегут
и на спинах несут корабли.
Разошлись облака.
Берег — в лунном сиянье, но вскоре
Свежий, утренний ветер
будит жителей вод и земли.
Выплывают, ныряют на дно
черепахи и рыбы,
Шустро плещутся утки
на глади сверкающих вод...
Нас прибой каждый год
расшибает о скальные глыбы,
Но сегодня мы рады,
мы пируем всю ночь напролет!

Дух реки Накха написал:

Тень цветущих деревьев
грибы укрывает и травы,
И священную утварь,
и большой барабан...
А за шелковым пологом
продолжаются наши забавы,
Каждый топчется в пляске,
каждый весел и пьян.
Всемогущему вану
поклоняются люди и рыбы,

Вот и ныне ученый
посетил водяную страну!
Если мы привязать
веревкою солнце могли бы,
Чтоб навек удержатъ
пьянящую сердце весну!

Дух реки Пённан написал:

Охмелел наш правитель
и на ложе, усталый, прилег.
День уже затухает,
горы — туман заволок.
Мы, опьяненные, пляшем,
взмахивая рукавами,
В воздухе плавно порхает
песня, как мотылек.
Наш повелитель мудрый
долго был одинок,
Ныне же яшмовый кубок
рука его подняла.
Мчится быстрое время,
словно горный поток,
Бренны и мимолетны
суетные дела!

Духи поднесли свои стихи царю-дракону. Он прочел их с улыбкой и велел передать юноше. Хан, коленопреклоненный, принял стихи, трижды с наслаждением прочел их и тут же написал десять строф, прославляя великолепное празднество:

Гребень горы Чхонмасан
врезался в звездный свод.
Сверху вниз водопад
брызги сыплет свои.

Пенятся в логе лесном
струи проворных вод
И образуют, ветвясь,
мчащиеся ручьи.

Лунное серебро
блещет на каждой волне.
Мир изменила власть
потусторонних сил.
Замок владыки на дне
скрыт в водяной глубине,
Взвившийся в небо дракон
славный обряд свершил.

В воздухе — легкий туман,
ветер удачи и свет, —
Годы спокойствия в них
явственно воплощены,
И в голубых небесах
много счастливых примет,
Зелень холмов нам сулит
титуты, знатность, чины...

На облаке мчитсч дракон
в чертог на Полярной звезде,
Дождь насылает, летя
на туче — коне вороном,
А во дворце — торжество,
музыка, пенье везде,
И мелодично звенят
чаши с чудесным вином.

Дивное это вино,
 словно густая роса,
Что украшает собой
 лотосов красных цветы.
Вежливы гости, скромны;
 в хоре сплелись голоса;
Тут собрались лишь друзья,
 чьи помышленья чисты.

Лязгают на поясах
 сотни серебряных блях.
Платье и шапки гостей —
 в ярких узорах цветных.
Вот поздравляют царя
 полчища рыб, черепах, —
С ними пришли заодно
 трое духов речных.

О, всемогущий дракон!
 Светел, глубок его ум!
А добродетель его —
 глубже пучины морской!
В парке гремит барабан,
 всюду — веселье и шум,
Чаши звенят, и вино
 пенною льется рекой.

Яшмовых флейт голоса
 и златострунный цинь
Сладко сливаются в лад
 с песнями царских палат,

Это играют гостям
сонмы небесных богинь.
Гости долгую жизнь
трижды друг другу сулят.

Фрукты — белее, чем снег,
лук — ценней янтаря,
Словно в тумане лежат
на сотнях фарфоровых блюд.
Славя от всей души
гостеприимство царя,
Гости званные здесь
вволю едят и пьют.

Словно мы чистой росы
испили на этом пиру,
Словно мы вознеслись
на гору Ин или Пэн!
Праздник закончится наш,
расстанемся мы поутру.
Развеется радость, как сон,
под ветрами перемен.

Все присутствующие шумно выражали Хану свое восхищение, а царь поблагодарил юношу и сказал, что эти стихи следует запечатлеть на бронзе и камне, как драгоценнейшее украшение его скромного жилища. Хан поклонился и ответил:

— Я в полной мере познал гостеприимство Владыки драконов. Нельзя ли мне сейчас, священный ван, осмотреть сооружения дворца, полюбоваться мощью его стен?

— Можно, — отвечал царь.

Получив разрешение, молодой человек вышел за дверь, огляделся, но не увидел ничего, кроме клубящихся пестрых облаков. Нельзя было даже разобрать, где восток, а где запад. Тогда царь повелел Гоняющему тучи убрать облака. Какое-то существо отделилось от его свиты, остановилось посреди двора, вобрало в себя воздух и принялось дуть. Небо тут же очистилось. Вокруг не видно было ни гор, ни пропастей — весь мир на тысячи ли предстал ровным, четким, как огромная шахматная доска. Всюду красовались нефритовые цветы и деревья, увешанные самоцветами. Золотой песок покрывал землю, золотые стены онаясывали дворец. Галереи и дворы были выложены голубыми глазурованными плитками, на которых свет играл с тенью.

Царь-дракон велел двоим своим приближенным повести гостя по дворцу. Прежде всего им попалась на пути башня Поклонения Небу; вся из стекла, украшенного жемчугом и яшмой, инкрустированного золотом и бирюзой, башня насчитывала больше десяти ярусов. Казалось, подняться на нее — все равно, что взмыть в поднебесную пустоту. Хан вознамерился было дойти до самого верха, но приближенные царя-дракона его остановили.

— Это доступно только священному вану, обладающему чудодейственной силой, нам же, слугам его, туда не добраться. Последний ярус стоит вровень с тучами и небосводом, и рожденный в мирской пыли никогда его не достигнет.

Только до седьмого яруса поднялся Хан и тут же спустился вниз. Затем им открылась другая башня, именуемая Вознесшейся ввысь.

— Каково назначение этой башни? — спросил юноша,

— Во время обряда поклонения Небу священный ван приводит здесь в порядок свои регалии и одеяния.

Хан выразил желание взглянуть на регалии. И провожатые подвели его к какому-то круглому предмету, блестящему так ярко, что на него больно было смотреть.

— Что это?! — спросил Хан.

— Это зеркало матушки Молнии, — ответили ему.

Рядом лежал барабан примерно такого же размера. Хан хотел ударить в него, но спутники сказали:

— Перед вами барабан дедушки Грома; если ударить в него, весь мир закачается!

И еще была там какая-то вещь, похожая на кузнечные мехи. Хан хотел потрогать ее, но опять его остановили:

— Это же мешок дядюшки Ветра! Тронешь его — засвистит ветер, обрушатся горы, повалятся деревья!

Потом Хан увидел метелку и подле нее — сосуд с водой. Юноша взялся было за метелку и хотел побрызгать вокруг, но спутники вскричали:

— Что вы делаете? Хозяин дождя рассердится, начнется потоп, вода разрушит горы и зальет холмы!

— А почему я не вижу здесь ничего такого, что порождает облака? — спросил Хан.

— Облака рождает чудодейственная сила священного вана, — последовал ответ. — Никакое самое хитрое устройство тут не поможет.

— Где же сейчас дедушка Гром, матушка Молния, дядюшка Ветер и Хозяин дождя? — снова сказал Хан.

— Государь запер их в укромном месте, чтобы они не гуляли когда и где им захочется. Так что приходят они сюда лишь по зову священного вана. Вообще же здесь столько разных хитрых приспособлений, что все осмотреть просто невозможно.

Потом они подошли к галерее длинной в несколько ли, где на двери висел зеленый замок в виде дракона.

— Что там, за этой дверью? — поинтересовался юноша, и ему ответили:

— Там сокровищница священного вана.

Долго рассматривали они драгоценности, казалось, нет им числа. Но вот Хан изъявил желание вернуться, и спутники тотчас повиновались. Юноша пошел было вперед, но очень скоро заблудился среди множества дверей и попросил провожатых указывать дорогу.

Вернувшись в зал, где еще пировали царь и его гости, Хан стал прощаться:

— Глубоко благодарен священному вану за оказанные милости и за все чудеса, что я удостоился видеть!

Сказав это, он поклонился.

Провожая Хана за ворота, царь поднес ему в дар коралловую вазу с двумя жемчужинами на дне и два куска белоснежного шелка. Откланялись и царственные духи рек: все трое уселись в паланкины, и каждый отправился восвояси. После этого царь-дракон повелел двоим своим приближенным взять рог, что помогает проникать сквозь горы и рассекать воды, и проводить Хана. Один из них сказал юноше:

— Садитесь мне на спину и закройте глаза.

Хан так и сделал. В это время другой провожатый, с рогом в руках, устремился вперед. Едва они поднялись в воздух, как в ушах у Хана засвистел ветер, забулькала вода. Потом все стихло, юноша открыл глаза и увидел, что лежит в собственной комнате.

Он вышел во двор и огляделся: звезды чуть-чуть поредели, на востоке едва занимался рассвет. Трижды пропел петух, пробили пятую стражу. Хан поспешно сунул руку за пазуху — жемчуг и шелк были на месте. Юноша спрятал дары в шкатулку для хранения траур-

ного головного убора и хранил как драгоценнейшее сокровище, никому не показывая. С тех пор не помышлял он ни о славе, ни о выгоде. Он удалился в горы, и никто не узнал, как завершилась его жизнь.

На этом повествования обрываются. Осталось лишь сказать, что:

*В низкой комнате, устланной войлоком черным,
так уютно, тепло...*

*Тень от сливы лежит силуэтом узорным,
ночное светило взошло.*

*Лампу я поправляю, вьется дым благовонный,
мигом кажется час.*

*Праздно дни провожу я, — только ночью бессонной
мой огонь не погас.*

*На казенную службу мне ходить неохота,
кистью работать — невмочь.*

*Только память со мной; не приходит дремота,
хоть сейчас — глубокая ночь.*

*У окна, за которым сосна молодая
радует глаз,*

*Стол да медный кувшин, — и сижу я, слагая
за рассказом рассказ.*

Поэт и новеллист Ким Си Сын

Тихими вечерами по невысоким корейским горам когда-то бродил нестарый еще человек в простом платье мирянина. Иногда он подходил к сосне или лиственнице, зачищал кору, разводил на камне тушь, потом вынимал из футляра кисть, и влажные мазки густо ложились на ствол. Человек писал стихи, читал их вслух, соскабливал и снова писал. Уходя, он уничтожал написанное. Он часто уничтожал то, что писал. Стихи на желтоватой рисовой бумаге он бросал в воду или сжигал на костре. Человек этот был одинок.

Свое жилище он называл «Мэ Вольдан», что значит «Зал дикой сливы и луны», и это название стало псевдонимом поэта. У него было имя — Ель Гён, но все звали его Ким Си Сыном — Кимом, Учащимся Постоянно.

Ким Си Сын родился в Сеуле на десятом году правления под девизом Провозглашенная добродетель, то есть в 1435 году по европейскому календарю, в небогатой семье конфуцианского ученого. Про него рассказывают, что уже в пять лет он знал иероглифы и умел сочинять стихи на литературном языке —

ханмуне, что однажды король Седжон, прослышав об удивительных способностях мальчика, которого близкие звали «божественным отроком», велел пригласить его во дворец и, удостоверившись в его одаренности, приказал выдать в награду пятьдесят кусков лучшего шелка. Подарок был слишком тяжел, чтобы ребенок мог унести его, и все ждали, что он придумает. А мальчик, ни слова не говоря, связал все куски вместе и вышел из дворца, волоча за собой королевские дары.

Известны и другие, более реальные факты из жизни поэта: мать его рано умерла, отец постоянно болел, юный Ким жил без друзей, общался лишь с книгами. Тринадцати лет его отдали в придворную школу, а потом в монастырь, вернее, в школу при монастыре Чингван.

Период правления короля Седжона (1419—1450 гг.) ознаменовался блестящим расцветом корейской культуры. В 1444 году изобретен был национальный корейский алфавит, много способствовавший укреплению и развитию литературы на родном языке. В это же время четырежды производилась отливка металлических шрифтов, улучшилась техника книгопечатания. Господствующий класс феодального государства составляли военные и гражданские чиновники из янбанского — дворянского — сословия. Янбаны большей частью были помещиками и владели почти всей пахотной землей Кореи. Их воспитывали на китайской литературе, с детства им внушали конфуцианские этические нормы и правила поведения человека в обществе.

К этому сословию принадлежал по происхождению и Ким Си Сын. Знатное происхождение и рано проявившиеся способности, несомненно, сулили ему блестящую карьеру государственного деятеля и ученого. Однако политические перипетии в стране сделали судьбу его трагичной, жизнь его была полна превратностей и прошла в скитаниях. В 1450 году умер покровительствовавший ему король Седжон. На престол вступил Мунджон, который правил недолго и в 1452 году умер. Трон

достался его малолетнему наследнику Танджону. Тогда дядя юного короля, при содействии ряда крупных сановников, захватил в 1455 году престол и объявил себя королем (он известен в истории Кореи под именем Седжо). Конфуцианские ученые, занимавшие до этого высокие посты, тяготели к старой политической группировке, поддерживавшей Танджона, открыто осуждали нового короля. Они заявили, что свержение Танджона и захват трона — есть узурпация власти, несовместимая с конфуцианским учением. Вместе с членами придворной академии они сговорились свергнуть нового короля, чтобы восстановить на престоле Танджона. Заговор был раскрыт. Седжо жестоко расправился с противниками. Более семидесяти конфуцианцев было казнено, свыше тысячи бежало в горные и в прибрежные районы. Придворная академия была закрыта.

В это время Ким Си Сыпу исполнился двадцать один год. Воспитанный на конфуцианских идеях, он, естественно, оказался в числе противников короля-узурпатора, и карьера чиновника была для него закрыта. Узнав о жестокой расправе с конфуцианскими учеными, юноша в знак протеста принял постриг и стал вести жизнь бродячего буддийского монаха.

Долгие странствия по горам и долинам Кореи принесли много новых впечатлений, отразившихся в его стихах. Сначала Ким Си Сып уходит в древнюю столицу Кореи периода Корё — город Сондо (ныне Кэсон). В 1457 году, после того как Седжо умертвил малолетнего Танджона, поэт вместе с несколькими друзьями, изгнанными с государственных постов, ищет уединения в уезде Кымхва, живет в простом шалаше на лоне природы. Сообща пишут они сатиру на нового короля. Но постепенно пыл его единомышленников охладевает, и они разбредаются в разные стороны. Ким Си Сып вновь один отправляется в путь и, бродя в горах провинции Квансо (ныне Пхёнандо), сочиняет стихи о глубоких пропастях и высоких пиках, отде-

ляющих его от мира людей. Покоренный красотой природы, поэт объявляет себя человеком, «жаждущим прекрасных пейзажей». Он посещает места, издавна славящиеся своей красотой. У источника Пагён — Бездонная тыква-горлянка, он размышляет о величии природы, а в стихах его появляются традиционные фантастические образы — то спящего дракона, то скорбящих и плачущих горных духов, то встревоженных русалок. И среди гимнов природе — внезапные строки раздумья о далеком прошлом Кореи, когда была:

Вода в Тэдонгане чиста, и полный над ним покой,
Луну в середине реки можешь погладить рукой...

От картин идиллической природы поэт переходит к стихам о рыбаке — извечной теме поэтов Дальнего Востока. Рыбак живет на воде, и все его достояние — лодка да шест; дружит он только с чайками, и неведомы ему людские печали ни о былом, ни о сегодняшнем дне. Но «в прошлом году чиновники собирали рыбный налог» и в нынешнем деньги нужны. Давно уже сменил рыбак дом на лодку, холод и дождь проникают под бамбуковый навес... Жизненная и художественно тонкая зарисовка поэта напоминает стихи его предшественников Ду Фу и Бо Цзюй-и, которые писали о страданиях простых людей, о лихих чиновниках, безжалостно отбиравших последний кусок у бедных людей. Впрочем, поэзия Ким Си Сына картинна, созерцательна и спокойна.

Таким настроением некоторой отрешенности от мирской суеты проникнуто маленькое послесловие поэта к его стихам, написанным во время путешествия по Квансо: «С малых лет я бродил без цели, не заботился о выгоде и славе, не интересовался имуществом и занятиями, думал только о том, как в чистой бедности сохранить свои высокие стремления». В этих словах соединяются два мироощущения: буддийско-даосское, с характерными для него созерцательностью и погруженностью в самое себя, и конфуцианское — с жаждой активной деятель-

ности на государственном поприще, требующей высоких общественных устремлений, потому что сам термин «высокие стремления» есть термин конфуцианский. Это сочетание двух различных начал всю жизнь отражалось на мировоззрении поэта — он преклонялся перед конфуцианскими идеальными правителями, а сам жил как буддийский монах или даже отшельник — даос. Такая двойственность мировосприятия в средние века была характерна для многих мыслителей и литераторов стран Дальнего Востока, которые в своей практической деятельности руководствовались идеалами конфуцианства, а в трактовке проблем мироздания, природы и человека использовали постулаты буддизма и даосизма. Отсюда столь типичное для ряда писателей и поэтов Китая, Кореи, Вьетнама и, может быть, в меньшей степени Японии соединение в одном лице или в одном произведении столь разнородных идейных тенденций. Известно, что государственное устройство и управление страной всегда строилось в этих странах по конфуцианскому образцу, и человек, находившийся на официальном посту чиновника, обязан был выполнять все положенные конфуцианским ритуалом обряды и мыслить, исходя из предписанных этим учением норм. Уходя со службы, он мог и порвать с этим учением, и целиком отдаться космическим идеям даосизма, не вторгавшегося в сферу государственных отношений, а трактовавшего вопросы единения человека и природы, естественного развития всех вещей и т. п. Проникнув в первых веках нашей эры на Дальний Восток из Индии (через Среднюю и Центральную Азию), буддизм сразу же нашел точки соприкосновения с даосизмом и в средние века нередко выступал в своеобразном синтезе с последним. В свою очередь, постепенно сложившийся на основе трех этих учений идеологический синкретизм нередко проявлялся и в творчестве дальневосточных писателей.

После Квансо, в 1460—1462 годах Ким Си Сып скитается по Квандону (ныне провинция Канвондо) и снова пишет стихи

одинокого странника, который «за десять лет пути стер свои башмаки». Вселенная представляется ему огромным пустым мешком, где слышны лишь песни горных птиц. Ему кажутся тщетными все потуги людей изменить мир, и он пишет стихотворение «Высмеиваю птицу цзинвэй». Он прекрасно знает древний миф о маленькой птичке, которая в клюве носила землю, чтобы засыпать море. Другие писатели Дальнего Востока восхваляли ее решимость, а Ким Си Сыпу ее упорство представляется смешным и нелепым, «напрасным умерщвлением собственной плоти». Но больше всего стихов посвящает он родной природе. И если, следуя установившемуся в те времена литературному этикету, многие предшественники и современники его воспевали красоты соседнего Китая, то Ким Си Сып противопоставляет Корею и Китай, отдавая свои симпатии родине. «Наша земля хоть и наклонена в одну сторону и зажата морями, но горы и реки на ней чисты и прекрасны. Кругом пейзажи, о которых мечтают благородные мужи. Конфуций когда-то хотел поселиться среди девяти корейских племен, а сейчас китайцы говорят: «Хотел бы родиться в стране Корё, чтобы собственными глазами увидеть Алмазные горы», — пишет Ким Си Сып в послесловии к стихам о путешествии по Квандону.

Все новые дали манят поэта-монаха. Теперь на его пути южная земля Хонам:

С этих пор я в Хонаме ищу красоты.
Там, за изгородью, апельсины желты...

И опять размышляет он в стихах об идеальном прошлом страны, пишет о сосне, которой хочется превратиться в дракона и дотянуться до высокого неба; благодарит башмачника за сработанные им туфли, что защищают ноги поэта от «укусов» камней. Иногда стихи не получаются, и путник расстроен:

Шаман говорит, злые духи вселились в меня;
Врач говорит, меня просто хватил удар.
Ошибаются тот и другой:
Не идут стихи — вот и злюсь на себя.

Но и в Хонаме не кончилось путешествие поэта. В 1464 году он скитается по юго-восточному побережью Кореи и после почти десяти лет странствований тридцатилетним приходит в древнюю столицу государства Силла город Кёнджу. И здесь, в шести ли от города, на горе Золотой Черепахи — Кымосан, он решил остаться навсегда.

В это время Седжо, власть которого уже значительно упрочилась, стал принимать меры, чтобы привлечь на свою сторону ученых, которых он некогда преследовал. Знал он и о недовольном существующими порядками Ким Си Сыпе. В 1465 году в Сеуле была завершена постройка огромного буддийского монастыря Вонгакса. Король пригласил Ким Си Сыпа на торжества по случаю открытия монастыря. Поэт явился, но не остался в столице при дворе и ранней весной снова ушел в свою обитель на горе Кымосан. Последующие шесть лет его жизни были наиболее плодотворными. В этот период он создает сборник новелл «Новые рассказы, услышанные на горе Золотой Черепахи», объединяет в книгу поэтические зарисовки, сделанные во время путешествий, создает новые стихи и, заключая новый сборник, пишет: «Я поселился в Кымо, поскольку не хотел больше странствовать в дальних краях... И здесь я страдаю от холода, и болезни приходят одна за другой. Только забавы ради брожу иногда по морскому берегу или гуляю у дальних пригородов и усадеб, разыскивая дикую сливу и расспрашивая, где растет бамбук. Чаще же развлекаю себя чтением вслух стихов да вином».

Между тем в столице произошли большие перемены. В 1468 году умер узурпатор Седжо. Сын его Еджон вскоре был свергнут, и новым королем в 1470 году стал Сонджон. Вступив на престол, король пригласил Ким Си Сыпа к себе и пред-

ложил поступить на государственную службу, обещая поэту почести и свое благоволение. Но Ким Си Сып отказался от чиновничьей карьеры, решив до конца дней своих вести жизнь отшельника.

Он поселился в горах Сураксан уезда Янджу и, по примеру великого китайского поэта Тао Юань-мина, занялся земледелием. Он вспоминает о своем предшественнике и в стихах «О чувствах», и во введении в поэтический цикл «Вторя Тао, призываю к занятию земледелием». Ким Си Сып считает, что в Корее много пустующих земель и много не занятых и голодных людей, бродящих по стране.

Поэт стал старше, он все больше задумывается над судьбами отчизны и над законами человеческих отношений. «О любви к народу», «О любви к живым существам и вещам», «О наказаниях и правлении», «О талантах», «О возникновении богатства» — сами названия его стихов и эссе говорят о том, как далеко отошел этот необычный монах от созерцательного буддийского учения. Все эти темы — привычная сфера ученых конфуцианцев, трактовавших вопросы этики и государственного устройства, разрабатывавших стройную систему поощрений и наказаний. Ким Си Сып в этих произведениях выступает с конфуцианских позиций, резко осуждая догматы буддизма: «Говорят: «Буддийские книги запрещают убивать, и это считается исключительной добродетелью». Я же скажу: «Птиц и зверей убивают только затем, чтобы избавить народ от голода и накормить его. Доводить людей до того, что они едят друг друга, и при этом говорить: «Не убий!» — вот уж воистину прекрасное дело!» («О любви к живым существам и вещам»). Ким Си Сып — философ исходит в этих своих рассуждениях из традиционных конфуцианских идей, но мы видим, что перед нами не ученый-схоласт, а человек, радеющий о благе государства, об участии трудового люда. «Если сердца народа отданы правителю, то он может властвовать десять тысяч поколений; если

сердца народа отвращены от него, то он не продержится и один вечер». Эти гневные слова оставались бы философским рассуждением на темы, излюбленные древними классиками, которые любили поговорить о народе и о том, как следует управлять им, если бы не стихи Ким Си Сыпа о бедном люде, о крестьянах, у которых ничего не остается от урожая после сбора налогов и уплаты аренды, и о прожорливых мышах-чиновниках, которые спокойно растаскивают народное добро под покровительством правителей-котов:

Нынче все мыши носят чиновные шапки,
Видно, хозяйские кошки стали слишком гуманны.

Так писал Ким Си Сип в 60-х годах XV века. В этот период он был уже широко известен. У него появились ученики и последователи. В 1478 году, отказавшись от своего монашества, Ким Си Сип женился. Но семейная жизнь его тоже не задалась: жена и маленький сын вскоре умерли. Грустный, он снова вернулся к монашеской жизни в горах Сураксан.

Умер Ким Си Сип в 1493 году на пятьдесят девятом году жизни в монастыре Мурыанса в горах Хонсан провинции Южная Чхунчхондо. Незадолго до смерти он нарисовал свой портрет, на котором написал «Истинную хвалу самому себе»:

«Почетная слава или хула — что повстречалось тебе? Твой облик невзрачен, а слова твои — великое невежество. И ты достоин того, чтобы среди холмов и падей тебя поместили».)

В этих предсмертных словах поэта лаконично выражена философская суть его жизни. В последней фразе он говорит о холмах и падах, то есть об уединенном месте, где селятся мудрые отшельники. Именно таким отшельником был Ким Си Сип, автор поэтичных новелл, представленных в этой книге. Как стихи и эссе, он писал их на вэньяне, бывшем в средние века общим литературным языком стран Дальнего Востока, подобно арабскому языку на Ближнем Востоке или латыни в Европе. Общий язык во многом сближал литературы, давал воз-

возможность художнику одного народа и одной культуры пользоваться достижениями соседей. Но это оказывалось возможным лишь тогда, когда созревали условия для восприятия литературы соседней страны. Таково развитие литературного процесса и в Корее: корейцы имели свою родную песенную поэзию, и на эту почву легло то, что было воспринято ими у китайских авторов. Корейцы читали танских поэтов, использовали их достижения, но до времени не проявляли интереса к знаменитой танской новелле, созданной на том же вэньяне. Дело, видимо, в том, что для восприятия новеллы еще не созрели литературные условия. Так же, как в Европе, где новелле предшествуют короткие «новеллетты», в странах Дальнего Востока и во Вьетнаме литературной новелле предшествуют сборники коротких рассказов об удивительных случаях, чудесах, встречах человека с привидениями и духами. В Китае такие сборники появляются начиная с III—IV веков, и только в VI—VII веках рождается настоящая литературная новелла. В Корее короткие записи забавных случаев из жизни известных поэтов или государственных деятелей, монахов или простолюдинов, известные под названием пхэсоль (дословно — рассказы, собранные чиновниками), появились в XII—XIII веках. Первым сборником литературы такого рода была книга Ли Ин Но «Чтение от безделья», за ней в XIII—XIV веках появляются «Дополнения к «Чтению от безделья» Чхве Джа, «Рассказы Пэгуга» Ли Гю Бо и некоторые другие. Эти сборники подготовили появление литературной новеллы, честь создания которой принадлежит Ким Си Сыпу. В сборнике пхэсоль, как показывают исследователи, можно было встретить изложение достопримечательностей древних столиц, описания обрядов, короткую запись или обработку народных анекдотов, сказок, рассказов о встрече человека с духом и т. п.¹ В отличие от давно уже существовав-

¹ См. Д. Д. Елисеев, О характере литературы пхэсоль. — «Народы Азии и Африки», 1966, № 1, стр. 116—120.

ших в Корее произведений исторической и философской прозы, сборники создавались для целей развлекательных, а не дидактических или познавательных. В этих «новеллеттах», не было еще определенных литературных типов героя, там важен был случай как таковой, а произойти он мог с любым человеком. Новелле же свойствен более разработанный сюжет, герой ее значительно определеннее, устойчивее как своеобразный литературный тип. Как правило, это студент, молодой ученый-конфуцианец, и девушка из богатой семьи, красивая и образованная, искусная в вышивании, поэзии, музыке. Поскольку новелла вырастает из рассказов об удивительном и необычном, герои ее встречаются с существами из иного мира — с душой умершей девушки, с небожительницей или с обитателями подводного царства.]

В сборнике «Новые рассказы, услышанные на горе Золотой Черепахи» пять новелл. В конце пятой приписка: «Конец первой части». Была ли написана вторая — неизвестно. Старинное предание рассказывает, что рукопись была замурована писателем в стене и найдена через много лет после смерти «отшельника с горы Кымо». Она попала в Японию и впервые была издана там в 1653 году. В XVII—XVIII веках японцы Мисима Насаку и Оно Кояма написали к сборнику комментарии, затем он стал известен в Корее и в последние годы не раз издавался в КНДР в переводе на современный корейский язык с комментариями.

В 1378 году, почти за девяносто лет до того, как Ким Си Сып поселился на горе Кымо, в Китае писателем Цюй Ю был составлен сборник «Новые рассказы у догорающей лампы». Хотя сборник был продолжением уже устоявшейся традиции танской новеллы, у читателей и литераторов того времени он вызвал большой интерес. Начался как бы новый подъем литературной новеллы на ваньяне: в 1420 году появляется «Продолжение рассказов у догорающей лампы» Ли Чжэня, за ним

в конце XVI века — «Продолжение» Шао Цзин-чжана. Первое же ксилографическое издание новелл Цюй Ю попадает в Корею и вскоре перепечатывается там. Между 1532 и 1555 годами «Новые рассказы» появляются в Японии и сразу же вызывают там повторения и подражания, насчитывающиеся десятками. Особенно много обработок этих сюжетов появляется в Японии в XVII веке в связи с развитием жанра городской повести. Одна из наиболее поздних японских переделок новеллы Цюй Ю «Записки о фонаре с цветами пионов», принадлежащая замечательному японскому рассказчику Санъютэю Энтё (1839—1900), уже известна нашим читателям¹.

Но вернемся к Ким Си Сыцу. Он познакомился с новеллами Цюй Ю в то время, когда они, по-видимому, как безнравственные, были запрещены в самом Китае. Поэт написал к сборнику своего предшественника стихотворное послесловие, «Новые рассказы» показались ему «прекрасными, как весенние цветы, и изменчивыми, как очертания облаков». Ким Си Сыц сравнивает прозу Цюй Ю с шедеврами китайской классики — с Цюй Юанем и Чжуан-цзы, с четкой философской прозой Хань Юя и образными притчами Лю Цзун-юаня. Словом, «Новые рассказы у догорающей лампы» так захватили Ким Си Сыца, что он сам написал новеллы на эти сюжеты (явление обычное для всех средневековых литератур) и назвал свой сборник также «Новыми рассказами», как бы солидаризируясь с автором запрещенной в Китае книги.

Конечно, корейский писатель лишь отталкивался от существующей и полюбившейся ему литературной традиции. В одних случаях он брал из нее больше, в других меньше. Сборник открывается рассказом «О том, как в храме Беспредельного Счастья играли в ют». Он навеян, по-видимому, новеллой «Женщина в зеленом платье» из книги Цюй Ю. Это заметно по

¹ См. Санъютэй Энтё. Пионовый фонарь, «Художественная литература», М. 1964.

отдельным перенесенным фразам, по общей схеме сюжета — встреча юноши, рано лишившегося родителей, с девушкой-духом; совпадают и концы рассказов: герой не женится вновь, а уходит в первом случае в монахи, во втором — в далекие горы. Близки и некоторые мелкие детали: у Цюй Ю герой играет в шахматы, у Ким Си Сыпа — в ют. Но гораздо больше у этих новелл различий, и весьма существенных. Прежде всего различны характеры персонажей. С «кошунственной» смелостью герой Ким Си Сыпа предлагает Будде сыграть с ним в кости и выигрывает у самого божества. Вольнодумие Ким Си Сыпа — буддиста вырастает здесь в пафос, сообщающий значительность земному человеку. Героиня Цюй Ю — простая служанка, героиня Ким Си Сыпа — добродетельная, с твердой волей, девушка-дух, погибшая во время нападения на Корею японских пиратов; в несчастье она отважно обращается к Будде за помощью. Отличие корейской новеллы и в том, что ее автор, следуя, казалось бы, традиции народной сказки, в которой связь смертного человека с неземной девой не может быть долговечной, — вкладывает в то же время в новеллу буддийский смысл об иллюзорности всякого счастья, о непрочности земного бытия.

Китайские новеллисты черпали сюжеты и мотивы из сборников рассказов об удивительном, составленных в III—VI веках. Ким Си Сып обращается к этим же источникам и к корейской прозе малых форм — пхэсоль. В новелле его фигурирует, например, серебряная чаша, которую героиня дарит юноше при расставании. Эту чашу видят родители девушки и подозревают студента в ограблении могилы их дочери. Мотив этот известен литературе Дальнего Востока еще с первых веков нашей эры. Самую раннюю разработку мы находим в «Жизнеописании девицы по прозванию Пурпурный Нефрит», принадлежащем писателю I века нашей эры Чжао Е. Это удивительная история о любви студента Хань Чжуна и девицы Цзы-юй — Пурпурный Нефрит. Родители не пожелали отдать ее замуж за студента,

и она умерла с горя. Когда студент вернулся из дальних краев, где он проходил науки, то, узнав о смерти возлюбленной, отправился на ее могилу. Выйдя из могилы, девица-дух три дня провела с милым, а потом на прощание подарила ему большую жемчужину. Из-за этой драгоценности отец девушки пытался обвинить студента в ограблении могилы, но дух его дочери на мгновение вернулся в родной дом и попытался объяснить, как все было, и просил не винить студента напрасно. После Чжао Е этот мотив не раз встречался и у других прозаиков, например, в рассказе об удивительной встрече ученого Таня с чудесной девой из сборника «История о чудесах», приписываемого вэйскому императору Вэнь-ди (III в. н. э.).

Конец первой новеллы Ким Си Сыпа очень напоминает эту историю, но в изложении корейского поэта древний мотив этот выглядит более иллюзорным и не столь вещественно реальным, как у его предшественников. Его студент не продает серебряную чашу за десять миллионов монет, как это сделал Тань, родители девушки верят ему на слово и не вскрывают гроб. На всем рассказе «отшельника с горы Кымо» лежит тонкая, подвижная дымка романтики, которая то приближает изображение к нам, то как бы отодвигает его в иной, нереальный мир. Этой поэтизации сюжета верно служат и стихи, в обилии вводимые в текст. Стихи были и у его предшественника Цюй Ю, который, однако, остался в истории литературы все же только искусным новеллистом. Известность же Ким Си Сыпа — поэта ничуть не меньше, чем его слава новеллиста. В устах его героев стихов больше и роль их значительнее, чем это было в танской новелле или в «Новых рассказах» Цюй Ю. Этим Ким Си Сып как бы раздвинул рамки жанра.

Действие новеллы «О студенте Ли, который заглянул за стену» происходит на фоне драматических событий на Корейском полуострове в годы восстания «Красных повязок». В 1351 году большинство провинций Китая охватило пламя крестьянской войны. В 1358—1359 годах крестьянская армия,

оторванная от родных мест и возглавляемая военачальниками, думавшими прежде всего о личном обогащении, перешла через реку Амноккан и напала на государство Корё. Нашествие это, сопровождаемое грабежами и насилием, продолжалось до 1361 года. Были разграблены и уничтожены столица Корё — Когён, (ныне Кэсон), Пхеньян и другие города. Трагедия страны стала испытанием и для любви студента Ли и девушки Цой — главных персонажей новеллы. В названии ее использована предшествующая традиция: в широко известной новелле танского поэта Юань Чжэня (779—831) «Повествование об Ин-ин» и драме на тот же сюжет Ван Ши-фу (XIII в.) «Западный флигель, где Цуй Ин-ин ожидала луну», рассказывается о студенте Чжане, который перелез через стену в сад к полюбившейся ему девушке. На этот сюжет писали многие литераторы, в том числе и Цюй Ю.

Одинаково звучащие имена, стена (важная деталь в развитии сюжета) и другие штрихи указывают на знакомство Ким Си Сына с первоисточником — новеллой Юань Чжэня, но действие и у танского автора и у Цюй Ю развивается в мире людей, а Ким Си Сын уводит читателя в мир, где действуют и люди и духи. Корейский новеллист вновь подчеркивает свою мысль о том, что счастье недолговечно и больше похоже на мираж, чем на истинную жизнь.

В этой новелле есть и еще один важный момент: деятельное начало в ней принадлежит девушке. В отличие от слабовольного, нерешительного Ли, не осмеливающегося пойти против родительской воли, его возлюбленная Цой твердо заявляет: «Я ведь и вправду хочу стать вашей женой и до конца дней прислуживать вам с метелкой и совком... Государь мой, хоть я и женщина, но в сердце моем нет страха. Отчего же вы, мужчина, такой робкий? Что ж, если пойдет недобрая молва и нас осудят родные, я одна буду за все в ответе». Эти слова были вызовом конфуцианской морали, которая тре-

бовала от женщины лишь повиновения — до замужества отцу, потом мужу, а во вдовстве сыну. Цой погибает, предпочтя смерть поруганию. Она не только хранит верность возлюбленному, но полна и гордым патриотическим чувством, любовью к родным местам, которые не захотела оставить. И это в то время, когда глава государства вместе со своей свитой бежал из столицы, бросив на произвол судьбы народ и страну. Даже здесь, в любовной новелле, Ким Си Сын нашел случай намеком упрекнуть ненавистного ему узурпатора Седжо.

Третья новела сборника как бы продолжает первые две, основа ее сюжета — также встреча юноши с девой из мира духов. Только здесь нет трагической любви — вся новелла посвящена раздумью о судьбах родной страны. События ее разворачиваются в Пхеньяне, где приходилось бывать Ким Си Сыну в годы странствий. Герой новеллы видит развалины древней столицы первых правителей Кореи и слагает стихи о былом ее величии и о том, что мудрые государи навсегда, к сожалению, поселились на Небе. Стихотворные фрагменты рассказа и его настроение в целом очень созвучны самостоятельным поэтическим произведениям Ким Си Сына, которые писал он во время путешествия по провинции Квансо.

Новелла Ким Си Сына имела своим прототипом «Историю о Тэн Му, который пьяным бродил по садам Цзюйцзин» из того же сборника Цюй Ю. Сады Цзюйцзин были местом прогулок китайских императоров династии Южная Сун (1127—1279). Через сорок лет после падения династии студент Тэн, попав в эти места, видит разрушенные изумрудные беседки, заросшие сорной травой сады. Здесь он, как впоследствии и герой Ким Си Сына, встречает деву-духа. Только если у Цюй Ю суть новеллы в любви юноши и девы-духа — умершей красавицы из гарема государя Ли-цзуна, что правил в XIII веке, которая даже остается со студентом на целых три года, живет у него в доме и восхищает всех своим примерным поведением, то Ким Си Сын, отталкиваясь от сюжета своего предшественника,

создал произведение философское и гражданственное — новеллу-раздумье о судьбах своей земли. Многие корейские писатели, жившие до Ким Си Сыпа и позднее его, выбирали местом действия героев своих произведений соседний Китай. Это было литературным этикетом, а иногда спасало и от карающей кисти цензора. Ким Си Сын же наоборот перенес действие своих новелл на родную землю; они созвучны его стихам о родных краях и глубоко национальны, ибо героев волнует судьба их родины, страдающей от жестоких правителей, которые не желают понять, что «народ — это основа государства», как учили древние мудрецы.

«Остров, плавающий в огне» — так называется четвертая новелла в сборнике. Это философское произведение написано в форме беседы студента-конфуцианца Пака с царем таинственной страны, подобной загробному миру, куда герой попадает во сне. Форма диалога о законах вселенной и мире духов избрана писателем не случайно: он как бы воспроизводит на новой художественной основе стиль древних философских трактатов конфуцианского канона. Там основной формой изложения была беседа учеников с учителем или князя с философом. Ученики или князь задают лаконичные вопросы, а философ дает на них пространные ответы.

В повелле земной герой-конфуцианец верит лишь в разумное начало устройства вселенной и государства. И самое удивительное, что и царь таинственной, вроде бы буддийской, земли разделяет его взгляды, восхваляя Конфуция как мудреца, победившего ересь разумом, в отличие от Будды Гаутамы, который, по его словам, «тщится устранить ересь с помощью ереси». Мудрый царь поражен, когда слышит о том, что люди на земле стали верить в буддийский рай и ад, приносить жертвы владыке загробного мира, чтобы откупиться от кары за грехи. Ему-де известно о существовании добрых и злых духов, но он считает нелепыми всякие бредни об ином свете, кроме известного и видимого людям. Таков, по всей вероятности, и взгляд

самого автора. Ким Си Сып, воспитанный с детства на крайне рационалистических конфуцианских классиках, хотя и стал потом буддийским монахом, явно сомневался в удивительных историях о загробной жизни и в необходимости всяких обрядов и подношений богам, лишь разоряющих бедный люд. Вольнодумные и передовые для своего времени, мысли Ким Си Сыпа направлены против мистики, против обрядности религиозного буддизма и шаманистских верований, еще живших в народе.

Отрицая иной мир, вне земли и небосвода, Ким Си Сып вместе с тем рисует в последней новелле яркую, веселую картину пира в подводном дворце царя драконов, призвавшего к себе из мира людей молодого ученого и поэта для того, чтобы тот сделал изящную надпись на новых царских чертогах. На Дальнем Востоке, где издавна славилось каллиграфическое искусство и почитались люди, умевшие слагать стихи и красиво писать иероглифы, такая странная ситуация не казалась, может быть, столь уж удивительной. В окруженной морем Корее, как и в соседних странах, слагалось много сказок о людях, попадавших в подводный дворец царя драконов. Но герои этих простых повествований были, как правило, рыбаки, а не ученые. В новелле Ким Си Сыпа как бы сочетаются две традиции — литературная, восходящая к новеллам на взъяне, и фольклорная, тянущая нити к рыбацкой сказке. Первая оказалась сильнее — она дала поэту сюжет (поездка ученого к дракону) и немалое количество частных деталей: двое посланцев из подводного мира, трое духов на пиру, песня, помогающая ставить балки, и буддийский, а может быть, и даосский конец, когда вернувшийся на землю герой отвергает все мысли о мирской славе и суете и уходит в горы, где теряется его след. От литературной традиции идут и многочисленные намеки в тексте новеллы, иногда весьма сложные и не всегда теперь ясные, свидетельствующие об исключительной начитанности корейского писателя. В самом деле, нужно было помнить уйму отдельных

Фраз и стихотворных строк предшественников разных веков о крабах, черепахах и прочих обитателях водной стихии, чтобы вплести их в текст повествования. От народной сказки Ким Си Сып взял, видимо, яркость красок, чисто народную стихию веселья и удали, особенно проявившихся при описании плясок в водяном царстве. Эта фольклорная сказочность умело сочетается с литературной утонченностью речей подводных персонажей.

В этой, как и в других новеллах, язык прозы писателя поэтически совершенен. Особую четкость придает ему параллелизм и ритмическая организация фраз, передающих то патетику речи героев, то совершенство их облика, то волнующую красоту или величие пейзажа.

Итак, существовавшая до Ким Си Сыпа литературная традиция дала корейскому писателю сюжеты для пяти ярких рассказов, но то, что он создал, ни в коей мере нельзя назвать прямым подражанием. Он лишь оттолкнулся от полюбившегося ему «запретного» сборника Цюй Ю и создал свои собственные, национальные корейские произведения, заложив у себя на родине основу традиции литературной новеллы, которую развивали впоследствии такие прекрасные писатели, как Лим Дже с его «Мышью под судом» или «Историей цветов»¹, как Пак Чи Вон с его «Бранью тигра» или Лю Мон Ин с его «Простыми рассказами О У». Сказалось влияние «отшельника с горы Кымо» и на поздней простонародной повести, писавшейся неизвестными авторами в XVII—XIX веках уже на разговорном корейском языке. Достаточно открыть изданные на русском языке «Повести страны зеленых гор»², чтобы увидеть в «Повести о поэтессе Ун Ён» отголоски новеллы Ким Си Сыпа

¹ См. Лим Чжэ, Мышь под судом, «Художественная литература», М. 1964; Черепаховый суп, «Художественная литература», Л. 1970.

² «Повести страны зеленых гор», «Художественная литература», М. 1966.

«Пьяный в беседке Плывущей Лазури», а в «Элегии Чхэ Бон» — завязку, заимствованную из рассказа «О студенте Ли, который заглянул за стену». Так жило веками творчество замечательного поэта и поэтичного прозаика. Он любил вольную жизнь в горах, писал стихи на листьях деревьев и скалах или вырезал из дерева фигурки крестьян и ставил их в хижине на грубом дощатом столе, за которым писал. Эти фигурки он потом также предавал огню, как многие свои стихотворения, а может быть, и прозаические сочинения, так и не дошедшие до нас.

*К. Монголов
Б. Рифтин*

О том, как в храме Беспредельного Счастья играли в ют

Стр. 7. ...играли в ют. — Ют — азартная игра, напоминающая игру в кости, распространена в странах Дальнего Востока. Старинная книга III века н. э. «Описание всех вещей» приписывает ее изобретение древнекитайскому философу Лао-цзы.

Намвон — древний город на юге Корейского полуострова.

Стр. 8. Уточка, друга утратив... — На Дальнем Востоке мандаринские уточки считаются символом супружеского счастья.

...праздник Зажигания Огней существовал в Корее с первых веков новой эры: ежегодно в пятнадцатый день второй луны в буддийских монастырях зажигали светильники и устраивали игры.

Стр. 9. ...в наши края вторглись разбойники-японцы. — Автор имеет в виду события 1380 года, когда японцы захватили Намвон и ряд других городов.

...замочить платье росой — то есть потерять добрую репутацию. Выражение из древнекитайской «Книги Песен» («Ши-цзин»), где оно употребляется при описании девушки, бегавшей ночью на свидание с милым.

Стр. 10. ...птица муань — мифическая птица; изображалась в виде феникса с разноцветным оперением.

Стр. 11. Это свидание послало мне Небо, а благословил его сам Будда. — Вера в могущество небес в эпоху древности и раннего средневековья была характерна для распространенного в странах Дальнего Востока конфуцианства. Однако впоследствии конфуцианские взгляды в народе переплелись с буддийскими и даосскими. Этот религиозный синкретизм виден и здесь: девушка-небожительница (истoki этого образа могут быть прослежены в даосских легендах) говорит о помощи неба и одновременно Будды.

...насталa четвертая стража... — В средние века в Корее, Китае и других странах Дальнего Востока вечер и ночь делились на пять двухчасовых страж (с 7 вечера до 5 утра), начало каждой из них отмечалось ударом в колокол или барабан.

...написал он стихи на мотив «Вся река красна»... — Стихи на заданные мелодии получили распространение в Китае начиная с IX—X веков. Мелодия определяла количество слов-иероглифов в стихотворении, а также расположение их по строкам. Этот поэтический жанр получил название «цы». Мелодию «Вся река красна», по преданию, сочинил известный полководец XII века Юэ Фэй, возглавлявший борьбу против нашествия кочевников-чжурчженей, когда он, оклеветанный предателем, был заключен в тюрьму. Впоследствии на эту мелодию писали стихи многие поэты Китая.

Стр. 12. ...равные музыке Цзоу Яня... — Автор имеет в виду предание о некоем Цзоу Яне, жившем в древнекитайском княжестве Ци. По ложному доносу Цзоу Янь был сослан в холодные северные земли, где не произрастали злаки. Изгнанник играл там на флейте, и при звуках его мелодии земля оттаяла, на ней появились злаки.

Когда очутилась я на Пэнлае... — По древнекитайским мифологическим представлениям, в Восточном море плавают три

священные горы — Пэнлай, Инчжоу и Фанчжан, на которых будто бы обитают бессмертные.

...а ныне, как было когда-то у рек Сяо и Сян, повстречала я своего суженого. — Автор имеет в виду героиню пьесы китайского драматурга XIII века Ян Сянь-чжи «Ночной дождь на реке Сяосян», встретившую на постоялом дворе, у слияния рек Сяошуй и Сянцзян, своего жениха, с которым разлучилась много лет назад.

...буду подносить ему плат и гребень — то есть почтительно служить своему супругу. Выражение восходит к древнекитайской летописи «Цзочжуань» (IV в. до н. э.).

Стр. 13. *«Этой ночью роса увлажнила пути...»* — Строки из песни «Много росы на пути» («Шицзин»); в ней говорится о девушке, которая отвергает назойливого ухажера.

Стр. 14. *«Бродит за самкою лис по берегу Ци и Лян. А дорога из Лу протекает прямо и ровна. Циская наша княжна проезжает, беспечна на вид...»* — Строки из «Шицзина». Первая фраза заимствована из песни «Ищет подругу и бродит лис», в которой говорится о похотливом лисе, поджидающем свою жертву; вторая и третья — из песни «Гонишь, торопишь коней», в которой, как считают древние комментаторы, речь идет о княжне Вэнь-цзян, отправившейся в свое родное княжество Ци, где ее ждал возлюбленный. Ци и Лу — древнекитайские княжества, находившиеся на территории полуострова Шаньдун.

Стр. 15. *...каждая из них сложила по четыре строфы «семи-словных оборванных строк».* — Имеется в виду одна из форм китайского четверостишия, в котором семисловная строка разделена цезурой после четвертого иероглифа.

...птицам бии подобно... — Древнекитайские мифы описывают этих птиц похожими на диких уток с красно-зеленым оперением. У них было по одному крылу, по одному глазу и по одной ноге. Поодиночке они ковыляли крошечными шаж-

ками, а летать могли, лишь соединившись по двое. Такие пары считались символом счастливого супружества, поэты впоследствии воспевали их в стихах.

Стр. 16. *Но путника нет на мосту Ланьцяо подряд который уж год... Когда же Пэй Хан встретит Юнь-яо...* — В китайском предании рассказывается, как юноша Пэй Хан, живший в IX веке, возвращался однажды в столицу. С ним в лодке оказалась красавица Фань. Он передал ей стихотворное послание. Она ответила стихами, в которых упоминалась дорога через Ланьцяо — Голубой мост. Некоторое время спустя, проезжая мимо Голубого моста, он заметил у дороги возле хижины старую женщину. Пэй Хан попросил напиться. Старуха позвала девушку по имени Юнь-ин и велела подать питье. Девушка была неземной красоты, а напиток оказался Пэй Хану соком яшм, которым питаются небожители. Юноша сказал, что хотел бы жениться на Юнь-ин. Старуха ответила: «Вчера один бессмертный дал мне немного снадобья, теперь нужно достать яшмовый пест и ступку, чтобы растереть его. Хочешь взять мою дочь в жены, достань их». Юноша раздобыл все, что требовалось, и женился на Юнь-ин. Тогда только он узнал, что старшая сестра жены по имени Юнь-яо и есть госпожа Фань, встреченная им в лодке.

Стр. 18. *Чтобы только для нас в Гаотане расцветала любовь!* — Гаотан — столица царства Чу в Древнем Китае. Легенда рассказывает, что чуский правитель Хуай-ван отправился однажды на прогулку в окрестности Гаотана. Утомившись, он прилег отдохнуть и увидел во сне красавицу, которая сказала: «Я, фея Шаманских гор — Ушань, и пришла разделить с вами ложе». Покидая князя, она сказала: «Утром я раннее облако, а вечером проливаюсь дождем. Облаком я буду являться вам каждое утро и дождем каждый вечер». Когда князь проснулся, он увидел на небе облако, из которого к вечеру пошел дождь. Хуай-ван приказал построить в честь феи храм и па-

звал его «Утреннее облако». Гаотанская встреча стала поэтическим символом любовного свидания.

...в земле государства теней — то есть в загробном мире, на том свете.

Стр. 19. *...еместе с Чан-э... под расцветшим коричневым деревом...* — В древних китайских мифах рассказывается, что жена Стрелка И, поразившего девять солнц и избавившего землю от засухи и мерзких чудовищ, по имени Чан-э, украла у мужа эликсир бессмертия, вышла его и улетела на Луну, где одиноко живет в холодном дворце у огромного коричневого дерева. В некоторых преданиях говорится, что она превратилась в лунную жабу и толчет в ступе лекарство бессмертия; в поэзии Чан-э, — как правило, одинокая красавица, фея Луны, а снадобье бессмертия толчет лунный заяц.

...в яшме куньшаньской. — Речь идет о ценной яшме, добываемой в Гуйлине, на юге Китая.

Лунный старец счастливых супругов нитью связал, сочетая... — По старинным поверьям народов Дальнего Востока, Лунный старец, покровитель вступающих в брак, связывает жениха и невесту красными шелковыми нитями, которые он носит с собой в мешке.

Стр. 20. *В облаках, затянувших расселину в Чу, мне любимого не разглядеть.* — См. комм. к стр. 18.

На реке Сяосян, под бамбуком, в слезах... суждено мне сидеть... — По преданию, две вдовы легендарного императора Шуня, придя на берег реки Сяосян, так долго и горько оплакивали своего мужа, что стволы прибрежного бамбука стали пятнистыми от их слез.

Как на веер ненужный, на меня не гляди... — Строка содержит намек на образ покинутой жены, созданный в стихотворении китайской поэтессы I века до н. э. Бань Цзе-юй. Долгое время поэтесса была наложницей ханьского императора Чэн-ди (33 — 7 гг. до н. э.), пока ее не изгнали («Веер ненужный отброшен, // в сердце не стало любви»).

Стр. 21. *Бо Цзюй-и* (772—846) — великий китайский поэт, автор лирических четверостиший, поэм и подражаний древним стихам и народным песням.

Се Ань (320—385) — китайский поэт.

Это Небесная дева, покинув на Млечном Пути свой ткацкий станок... — Автор обращается здесь к популярной в странах Дальнего Востока легенде о Ткачихе, которая тклет на небе, к востоку от Небесной реки (Млечного Пути), одеяния для неба, то есть облака. В книге «Мелкие заметки» Инь Юня (473—531) о ней говорится: «Круглый год она трудилась и ткала облачное небесное платье. Богу стало жаль ее, одинокую, и он отдал ее в жены Пастуху, что жил к западу от Млечного Пути. Выйдя замуж, она перестала ткать. Бог рассердился, велел ей вернуться и впредь видаться с мужем раз в год». В других вариантах той же легенды отмечается, что в день их свидания (седьмой день седьмой луны) сороки со всего мира слетаются на небо и из своих хвостов образуют мост, на котором и встречаются супруги.

Стр. 22. *Здесь Вэнь Сяо свою Цай-луань отыскал.* — Автор имеет в виду китайское предание о бедном студенте Вэнь Сяо, повстречавшем в горах девушку по имени Цай-луань. Они полюбились друг другу и, сговорившись пожениться, вернулись домой. У Вэнь Сяо не было денег, Цай-луань каждый день писала стихи и продавала их. Так они счастливо прожили десять лет. Потом будто бы отправились в горы, каждый сел на тигра, и они умчались, превратившись в бессмертных.

...Чжан Шо повстречал наконец Ду Лань... — Автор имеет в виду древнее предание о рыбаке, подобравшем на берегу озера Дунтин трехлетнюю плачущую девочку. Прошло больше десяти лет, и девочка превратилась в неописуемую красавицу. Однажды с небес спустились два отрока в синих одеждах и унесли ее. На прощанье она сказала рыбаку, что ее зовут Ду Лань-сян — Аромат Орхидеи, что она, небожительница, за провинность была изгнана в мир людей, а теперь заслужила про-

чение. Потом она будто бы появилась вновь в семье некоего Чжан Шо, которому открыла даосское искусство бессмертия, и он тоже превратился в небожителя.

...в храме Драгоценного Лотоса. — Речь идет о храме Поён-са на горе Чхонпёнсан в провинции Чхунчхондо в Корее.

Стр. 24. *«Книга Преданий»* («Шуцзин») — памятник древней китайской литературы, содержащий повествования о деяниях легендарных правителей.

...заколю шпилькой волосы... — Традиционное поэтическое выражение, означающее решение женщины выйти замуж. Вступая в брак, девушка в Древнем Китае меняла прическу: вместо косы на голове сооружался сложный пучок, закалывавшийся шпильками.

...Бу-лянь скрылась за створчатой дверью. — Бу-лянь — имя феи; скрыться за створчатой дверью — уйти в загробный мир.

Фей грома А-сян угоняет свою колесницу. — В старинной китайской книге «Продолжение записок о поисках духов», приписываемой великому поэту Тао Юань-мину (365—427), приводится рассказ о некоем Чжоу, который как-то остановился в доме девицы А-сян. Ночью он слышал голос, призывавший ее толкнуть громовую колесницу. Девушка ушла, и тут же загремел гром. Проснувшись утром, Чжоу обнаружил вместо дома свежевырытую могилу.

Растаяло облако над горой Ушань, и дождь уже перестал. От Небесного Брода давно улетели сороки... — Выражения, означающие конец любовного свидания (см. комм. к стр. 18 и 21).

Стр. 25. *...у Девяти источников.* — Девять источников или Желтые источники — аллегорические названия загробного мира.

...с красотой самой Си Ши. — Си Ши — прославленная красавица из древнекитайского царства Юэ; в странах Дальнего Востока ее имя стало поэтическим символом красивой женщины.

...мастерство твоих «ши» и «фу»... — «Ши» и «фу» — поэтические жанры в китайской классической поэзии, вместе с литературой на языке вэньянь получили распространение в странах Дальнего Востока. «Ши» имеют строго ограниченное число слогов (пероглифов) в строке — обычно пять или семь; «фу» — сюжетные поэмы, писавшиеся рифмованной ритмической прозой, сложились на рубеже новой эры, но продолжали существовать как застывшая форма до начала XX века.

Шу-чжэнь (Чжу Шу-чжэнь, ок. 1200 г.) — китайская поэтесса эпохи Сун, прославленная красавица.

Стр. 26. ...*всег тебе не принес любви.* — См. комм. к стр. 20.

Три души твои разлетелись... — По древним представлениям народов Дальнего Востока, в печени человека обитают три духовные начала.

Стр. 27. ...*возродиться в облике мужчины.* — По буддийским верованиям, душа человека после смерти переселяется в другую телесную оболочку — в тело хорошего или дурного человека, животного и т. п., в зависимости от того, какие деяния совершил умерший в предыдущем рождении; возродиться в облике мужчины значило подняться на новую ступень совершенства.

...*минуем Колесо Судьбы* — то есть, по учению буддистов, избежим страданий, уготованных человеку в следующем перерождении за его грехи.

Горы Чиисан находятся в провинции Кёнсандо, в южной части Корейского полуострова.

О студенте Ли, который заглянул за стену

Стр. 31. *Сондо* (Сонгён, ныне Кэсон) — древняя столица корейского государства Корё (X—XIV вв.).

...*в конфуцианской высшей школе «Кукхак»* — то есть в высшем аристократическом правительственном учебном за-

ведении, существовавшем в Корее в средние века. Известно также под названиями «Тхэхаккван» и «Сонгюгван».

Стр. 33. *...живи, как Сян-ван, спи один, одиноко мечтай!..* — Сян-ван был сыном чуского царя Хуай-вана, которому во сне явилась фея гор Ушань (см. комм. к стр. 18). Однажды Сян-ван путешествовал с поэтом Сун Юем (290—223 гг. до н. э.) в окрестностях Гаотана. Сун Юй в разговоре упомянул про удивительный сон Хуай-вана. Сян-ван повелел поэту написать об этом оду. А в ту же ночь царь сам увидел такой же сон, какой некогда приснился его отцу. Наутро он повелел Сун Юю написать вторую оду об удивительной встрече с феей во сне. После од Сун Юя в Китае, а потом и в других странах Дальнего Востока, сон Сян-вана стал известен каждому образованному человеку. Ким Си Сып хочет сказать, что герой его также жаждет встречи с девушкой, как некогда Сян-ван ждал во сне явления прекрасной феи.

...словно фея на гору Янтай. — Янтай — одна из вершин в горах Ушань; встреча на горе Янтай — поэтическое обозначение любовного свидания.

Я — как Сыма Сян-жу, что так возжелал назвать Чжо Вэнь-цзюнь женой. — Сыма Сян-жу (179—117 гг. до н. э.) — известный китайский поэт. Рассказывают, что ему нравилась дочь богача, молодая вдова Чжо Вэнь-цзюнь, любившая музыку. Поэт игрой на цитре пытался привлечь ее внимание. Женищина подглядывала за ним из окна и влюбилась в него. Сыма Сян-жу подкупил слугу Чжо Вэнь-цзюнь и передал ей любовное послание. Вдова ночью бежала с Сыма Сян-жу. Рассвирепевший отец не дал молодоженам денег. Тогда они открыли винную лавку: Чжо Вэнь-цзюнь стояла сама у плиты и готовила еду, а Сыма Сян-жу мыл посуду. Прошло время, и богач Чжо сменил гнев на милость. Любовь Сыма Сян-жу и Чжо Вэнь-цзюнь стала символом страстной любви, которой не страшны ни преграды, ни жизненные лишения.

...мост Ланьцзяо пустынен пока. — См. комм. к стр. 16.

Стр. 34. ...вышиты мандаринские утки. — См. комм. к стр. 8.

...прислуживать вам с метелкой и совком — то есть быть покорной и заботливой супругой. Выражение заимствовано из китайской прозы I века до н. э.

Стр. 36. *Первый танец весны* («Веснянка») — название распространенного в средние века танца, исполняемого молодежью. Известно его описание корейским поэтом и писателем-сатириком Лим Чже.

В горы Таоюань привел меня путь... — Таоюань — дословно Персиковый источник. В утопии Тао Юань-мина говорится о рыбаке, который случайно попал в удивительную страну, проникнув через отверстие в горе, поблизости от персиковой рощи. В этой благословенной стране жили счастливые люди, не знавшие о событиях, происходивших на земле.

Это пляшет Су-э... — Су-э — дословно Белая красавица — одно из поэтических прозвищ феи Луны Чан-э (см. комм. к стр. 19). В старинном китайском предании рассказывается, будто бы танский император Мин-хуан (712—756) посетил однажды Лунный дворец и увидел там Су-э и еще десять или больше красавиц в белоснежных одеждах; восседая на белых фениксах, девы танцевали под коричневым деревом. Император запомнил их танцы и, вернувшись, создал новый «танец радужных одежд и платьев из перьев», ставший впоследствии знаменитым.

Стр. 37. ...*Фанху высотой в тридцать тысяч чанов...* — Фанху — одна из трех мифических гор, где будто бы обитают бессмертные; чан — корейская мера длины, равная 3,03 метра.

Ли — корейская и китайская мера длины, равная в Корею 392,7 метра.

Стр. 38. *Где Вэй Янь, где Юй-кэ...* — Вэй Янь — известный китайский художник VIII века, портретист и пейзажист, современник великого поэта Ду Фу, высоко ценившего его произведения. Юй-кэ, или Вэнь Тун (1018—1079) — знаменитый

китайский художник, прославившийся выполненными тушью картинами, изображавшими заросли бамбука.

...копировали письменный стиль Чжао, носившего прозвище «Снег Среди Сосен». — Ким Си Сып имеет в виду знаменитого китайского каллиграфа Чжао Сун-сюэ (настоящее имя Чжао Мэн-фу, 1254—1322).

Стр. 39. *Весенние краски ярки в саду четвертой дочки Хуана.* — Намек на строку из стихотворения китайского поэта Ду Фу: «Цветы заполнили все дорожки в саду четвертой дочери Хуана».

Стр. 40. *Абрикосы незрелые в иволгу без опаски можно кидать.* — По народным поверьям, с уходом теплых дней иволга тоже покидает свое гнездо. Обычно поэты просят ее не улетать подольше, чтобы подольше держалось ведро. Но нет смысла, хочет сказать поэт, дорожить присутствием птицы, дождавшейся преждевременных холодов, — ведь даже абрикосы не успели созреть.

...виды реки Сяосян — знаменитые своей красотой места у слияния рек Сяошуй и Сяншуй в китайской провинции Хунань.

Стр. 41. ...над заставой Юймыньгуань. — Юймыньгуань — застава Яшмовых ворот в китайской провинции Ганьсу. В древности через эту заставу шел путь на Запад и в Среднюю Азию; часто упоминается в классических стихах, описывающих воинские походы.

Стр. 44. *Еннам* — старое название провинций Северная и Южная Кёнсандо на юго-востоке Корейского полуострова.

Стр. 45. ...в «Книге Песен» говорится о том, как девушка, собиравшая сливы... — Автор имеет в виду следующие строки:

Слива уже опадает в саду,
Стали плоды ее реже теперь.
Ах, для того, кто так ищет меня,
Мига счастливей не будет, поверь...

(Перевод А. Штукина)

«Книга Перемен» («Ицзин») — древнекитайское сочинение, содержащее древние гадания и некоторые натурфилософские взгляды.

...забыла стихи о сухих тутовых листьях... — Имеются в виду следующие строки из «Шицзина»:

Но высохнут тутовника листы,
На землю свалятся они, желты...

Три года я была тебе верна,
Твой путь иной, я брошена одна!
Ты, господин, женою пренебрег —
Менялся часто, лгал, как только мог,

(Перевод А. Штукина)

Шелковые нити стянулись в брачный узел... — См. комм. к стр. 19.

...после смерти стану бесприютной душою... — По поверьям, распространенным в странах Дальнего Востока, человек, умерший насильственной смертью и не похороненный со всеми обрядами на родовом кладбище, превращался в беспокойного духа, который являлся людям в виде беса, демона и т. п.

Стр. 46. ...изучал каноны. — Имеются в виду древнекитайские «Книга Песен», «Книга Преданий», «Беседы и суждения» («Лунь-юй»), «Книга Перемен», вошедшие в конфуцианский канон.

Два осколка разбитого зеркала соединились вновь. — В старинных легендах Дальнего Востока рассказывается, как влюбленные или супруги при расставании ломали пополам бронзовое зеркало и каждый брал себе половину. Годы меняют внешность человека. При встрече эти половинки служили своего рода «удостоверением личности».

Вороны, сороки на Млечной Пути. — См. комм. к стр. 21.

Стр. 47. ...как любовь Лян Хуна и Мэн Гуан, Бао Сюаня и Хуань Шао-цзюнь. — В старинном китайском предании рас-

сказывается: некто Лян Хун, бедный сирота, живший в начале новой эры, женился на девушке Мэн Гуан, некрасивой, но добродетельной. Лян Хун сам постиг книжную премудрость, но отказался от государственной службы и, поселившись в горах, вел уединенный образ жизни. Он пахал и сеял, а жена ткала. Когда муж возвращался домой, она подносила ему еду, поднимая в знак глубокого почтения столик с кушаньем на уровень своих бровей. Бао Сюань (ум. в 3 г. н. э.) — китайский сановник. Его жена Хуань Шао-цзюнь пришла к нему в дом с большим приданым. Бао был недоволен, и она тотчас же отвезла свое имущество обратно, потом вернулась в скромной повозке, поклонилась свекрови и стала примерной женой и невесткой.

Наступил год синьчхук. — Год синьчхук соответствует 1361 году.

Разбойники в красных повязках. — Так называет автор повстанческие отряды китайских крестьян под предводительством Лю Фу-гуна, выступившие в 1351 году против засилия монгольских феодалов в Китае. Массовое движение, охватившее всю страну, вошло в историю под названием восстания «красных повязок», так как своим отличительным знаком его участники избрали головные платки красного цвета. В 1359 году повстанческая армия достигла пределов Кореи. Восстание «красных повязок» подготовило почву для свержения династии Юань (1368 г.) в Китае и воцарения династии Мин (1368—1644).

Покчу — старое название города Андон в провинции Северная Кёнсандо на юго-востоке Корейского полуострова.

Стр. 49. *В мрачной теснине уже слышатся радостные напевы.* — Героиня новеллы пользуется выражением из «Книги Песен», где говорится о птицах, вылетевших из темного ущелья и голосисто поющих в долине.

...согласие наше будет процветать целых три жизни. — По древним шаманским представлениям некоторых народов Востока, души близких людей связаны между собой в трех пере-

рождениях. Впоследствии это представление было воспринято буддизмом, который учит, что муж и жена связаны единой судьбой в трех последовательных перерождениях.

Стр. 50. *Огвансан* (дословно: гора Пяти Вершин) находится в Центральной Корее, близ Кэсона; неоднократно воспевалась корейскими поэтами.

Небесный (или Верховный) *Владыка*, по народным верованиям корейцев и китайцев, стоял во главе всех божеств и духов.

Стр. 51. *...стихи на могиле «Весна в Яшмовой башне»*. — Мелодия получила название по строке из стихотворения китайского поэта Гу Сюана (X в.).

Пьяный в павильоне Плывающей Лазури

Стр. 55. *Пхеньян* (Согён — Западная столица) — древний исторический и культурный центр Кореи, основан в 427 году.

Чосон (ныне нередко переводится как «Страна Утренней Свежести») — название Кореи, бытующее с XIV века и по сей день. Впервые это название встречается в древнекитайских исторических и географических сочинениях на рубеже новой эры как название племенного объединения. Этимология «Чосон» не ясна. Само же слово «Корея» происходит от названия средневекового корейского государства Корё (918—1392 гг.).

...когда чжоуский царь У-ван одержал победу над государством Шан, он посетил там мудрого Киджа. — Согласно «Книге Преданий», в 1122 году до н. э. вождь чжоуского племени У-ван победил Чжоу Синя, последнего царя китайской династии Шан-Инь, и освободил его родственника, сановника Киджа (Цзипзы). Мудрый сановник, увидев, что его государь сошел со стези добродетели, пытался увещевать его и был превращен за это в раба. У-ван выпустил Киджа на свободу и отдал ему во владение земли племени Чосон.

«Великий замысел» — название одного из разделов в «Книге Преданий», повествующего о законах Неба и земли. Сочинение его приписывается Цзи-цзы (Киджа).

...рассказал о «Десяти разделах». — В «Великом замысле» говорится о том, что Небо послало мифическому государю Юю, усмирителю потопа, девять заповедей правления. Юй будто бы увидел их начертанными на спине у черепахи, вышедшей из реки Ло.

Узорчатая гора (Кымсусан) — двуглавая гора в северной части Пхеньяна; вершины ее — Моранбон и Ыльмилбон.

...башня Феникса (Понхвандэ) — площадка в юго-западной части Пхеньяна, с которой горожане любовались окрестностями.

...пещера Единорога (Киригуль) находится вблизи храма Вечной Ясности (см. ниже); упоминается в легенде о правителе Тонмён-ване (см. ниже), якобы разводившем в ней крылатых коней.

...скала «Обращенная к Небу» (Чочхонсок) якобы отделяет реку Пхэган (Тэдонган) от пещеры Единорога. По преданию, Тонмёнван, когда наступил день его смерти, сел на белого коня и взмыл с этой скалы в небеса.

...павильон Плывающей Лазури (Пубёкчон) — одна из достопримечательностей Пхеньяна, сооружен в начале XII века, перестроен в 1616 году; разрушен американскими воздушными пиратами в 1951 году. Вид, открывавшийся с павильона, неоднократно воспевали поэты (Ким Хван Вон, живший в XIII веке, и другие).

Храм Вечной Ясности — один из восьми буддийских храмов, построенных около 393 года; подвергся разрушению во время японско-китайской войны 1894 года; восстановленный, вновь был уничтожен в 1951 году. По преданию, на месте этого храма находился дворец с девятью лестницами, где жил Тонмён-ван.

...правитель Тонмён-сан (37—20 гг. до н. э.) — основатель Когурё, одного из трех древних государств на Корейском полуострове.

Стр. 56. ...ворота Тэдонмун — восточные ворота в крепостной стене Пхеньяна, сооружены в 428 году; неоднократно перестраивались, последняя реставрация относится к 1635 году.

В начале годов Послушания Небу. — В средневековой Корее счет времени велся, как правило, по годам правления короля, по годам шестидесятилетнего цикла или же по годам девизов правления китайских императоров, царствовавших каждый под своим девизом. Годы Послушания Небу (Тяньшунь) — девиз китайского императора Ин-цзуна). Они соответствуют времени с 1457 по 1464 год.

Праздник Середины Осени отмечается в Корее в пятнадцатый день восьмой луны по лунному календарю.

...стихи Чжан Цзи... — Автор имеет в виду четверостишие китайского поэта Чжан Цзи (VIII в.) «Ночью пристал к берегу у Кленового моста»: «Опустилась луна, вороны кричат, иней запорошил все небо, // В кленах у реки заснул грустный рыбак. // За городом Гусу есть храм в Холодных горах, // И в полночь звон колокола слышен путнику в лодке».

Стр. 57. ...Пурпурный дворец — обитель феи Чан-э (см. комм. к стр. 19.).

Хотелось вздохнуть, как при виде пшеницы, растущей на развалинах иньских дворцов. — В «Исторических записках» Сыма Цяня рассказывается, что Киджа (см. комм. к стр. 55), уже в старости, бродил однажды по бывшей столице Дома Шан-Инь; увидев, что дворцовые постройки обветшали и разрушились, а на развалинах выросли злаки, он хотел заплакать, но не смог, и со вздохом принялся сочинять печальную песню.

Духа тигра и духа дракона... — Тигр и дракон — древние символы власти государя в странах Дальнего Востока.

Стр. 58. *Алтарь Небесам* устанавливался в храме Неба, где государь лично приносил жертвы.

Стр. 59. *Храм Тангуна* приметен вдали. — Тангун — легендарный основатель Кореи. В древнем корейском памятнике XIII века «Самгук Юса» («Забытые деяния трех государств») говорится, что некогда побочный сын древнеиндийского бога Индры спустился в священную сандаловую рощу на горе Тхэбэксан и основал там священный город, а сам стал называться небесным императором Хвануном. Медведь и Тигр, жившие вместе в одной пещере, не раз просили Хвануна, чтобы тот превратил их в людей. Хванун дал им ветку полыни и двадцать стеблей чеснока и сказал: «Если вы это съедите и сто дней не будете видеть солнца, то легко обретете облик людей». Медведь, выполнивший указание, превратился в девушку, а нарушивший условия тигр остался тигром. Медведица-девушка молилась в сандаловой роще, желая иметь ребенка. Хванун услышал ее мольбы и женился на ней, превратившись на время в человека. Родившегося от этого брака мальчика называли Тангуном — Государем-сандалом. Это произошло, по преданию, в 2333 году до н. э. Тангуну приписывается основание страны Чосон, то есть Кореи.

Стр. 60. *...души воинов суйских*. — Суй — китайская династия, правившая с 581 по 618 год.

Стр. 61. *...обольстительница с ножками-лотосами*. — Автор имеет в виду ноги женщины, прекратившие естественный рост в результате бинтования.

Серебряная река — поэтическое название Млечного Пути. *Опадают плоды с корицы, и похолодало в Нефритовом тереме*. — Имеются в виду коричное дерево, будто бы растущее на Луне, и дворец фей Луны Чан-э.

Стр. 62. *...статуи архатов*. — Архаты (и н д.) — буддийские святые, якобы освободившиеся от бесконечной цепи перерождений и либо погружившиеся в нирвану, либо оставшиеся в мире в человеческом облике, но владеющие даром метаморфоз. Эти

последние — числом до пятисот — изображались в больших буддийских храмах в виде статуй.

Стр. 66. *...происходит из рода Киджа, предки ее — иньские властители.* — См. комм. к стр. 55.

...следовал заветам Чэн Тана. — Чэн Тан — легендарный основатель китайской династии Шан-Инь (по традиции, временем его правления считаются 1766—1753 гг. до н. э.). Он сверг власть беспутного правителя династии Ся по имени Цзе и основал новую династию; Чэн Тан полагал, что управлять народом следует с помощью добродетели.

...наставлял народ с помощью восьми заповедей. — По-видимому, речь идет о восьми обязанностях правителя, упоминаемых в древнекитайской «Книге Обрядов», где говорится, что нужно быть умеренным в еде, питье, одежде, разумным в делах, уметь отличать достойных, понимать в весе, длине, счете и управлении.

Ви Ман, воспользовавшись смутой, похитил его трон. — Ви Ман (китайск. Вэй Мань) жил в царстве Янь (на территории нынешнего Пекина). В конце III века до н. э., собрав несколько тысяч молодцов, он отправился походом на страну Чосон, прогнал потомка Киджа, правителя Чун-вана, и сам занял престол.

Стр. 67. *...в Потаенную столицу* — то есть в обитель бессмертных, находящуюся, по даосским представлениям, на горе Семи Драгоценностей.

...с Потаенных островов — то есть со сказочных островов Сюаньчжоу, являющихся обителью бессмертных.

Стр. 69. *...о заоблачных напевах* — то есть о прекрасных мелодиях и любовных песнях.

...мечтать о всех четырех удовольствиях жизни. — Ким Си Сып намекает здесь на стихи китайского поэта Се Лин-юня (385—433), писавшего о проведении досуга, о созерцании прекрасного пейзажа, о волнующих чувствах и радостных делах как о четырех удовольствиях жизни.

Стр. 70. *Гун-юань и Чжи-вэй побывали тут вместе со мной.* — Личность первого не установлена; второй — китайский сановник X века Ван Чжо, прославленный каллиграф и знаток древних текстов, за что и получил прозвище Чжи-вэй (дословно — Познавший сокровенное).

...пугал в царстве Вэй длиннохвостых сорок. — Вэй — китайское царство времен Троецарствия, существовавшее с 220 по 265 год; в стихах его основателя, поэта и полководца Цао Цао есть такие строки: «Ясна луна и редки звезды. / / Ворона и сороки летят на юг».

Озаряет луна черных буйволов княжества У. — Китайское княжество У находилось в низовьях реки Янцзы и включало в себя территорию современного Шанхая. Рассказывают, что из-за сильной жары буйволы там даже ночью тяжело дышали, принимая яркую луну за солнце. Это наблюдение выражено в сочинении Лю И-цина (403—443) «Рассказы о событиях в мире», где говорится: «Некто Мань Фын боялся ветра, а в тронном зале императора У-ди (265—290) северное окно завесили шторой из частых нитей разноцветного стекла. Однако на первый взгляд штора казалась очень редкой. Мань Фын погрузился. Император с усмешкой спросил его, в чем дело. Фын ответил: «Ваш подданный подобен буйволу из У, который задыхается при виде луны».

Стр. 71. *В эту пору Ли Бо подымать свою чарку любил.* — Ли Бо (701—762) — великий китайский поэт, часто писавший о том, как наедине с луной пил вино.

У Ган ствол коричный упорно долбил... — У Ган — персонаж древнего предания. Человек этот мечтал о бессмертии, но за проступки обречен был вечно рубить на Луне коричное дерево, которое вновь срасталось.

Стр. 72. *...устроили нынче какчхок.* — Какчхок (дословно — отметка на свече) — состязание в сочинении стихов. На горящей свече делалась отметка, и пока свеча догорит до этой отметки, нужно было успеть сочинить стихотворение.

Стр. 73. ...с Инь Хао на башне Юй Лян. — Инь Хао (III в. н. э.) — китайский сановник, знаток и почитатель даосской философии. Однажды в городе Учане, поднявшись осенней ночью на Южную башню вместе со своими учениками, он застал там Юй Ляна (298—340) — старшего брата императрицы и полководца. Инь Хао хотел скрыться, но Юй Лян попросил сановника остаться, и они приятно провели время за беседой.

Стр. 74. Только кости от Тангуна остались в Монмёк. — Монмёк — название горы близ Сеула, где якобы был захоронен легендарный Тангун (см. комм. к стр. 59.).

Словно единорог спрятал след... — Единорог (китайск. цалинь — мифический зверь с телом оленя, ногами лошади и хвостом коровы, бурого цвета, с шишкой или рогом на голове. Считалось, что явление единорога предвещает рождение мудреца; если же и следов этого зверя не видно, то нельзя рассчитывать на появление в мире мудрого человека.

...а в полях — наконецники стрел сушэнь. — Сушэнь — древние кочевые племена на территории Северного Китая, их считают предками современных тунгусоманьчжурских народов, а также корейцев.

...ткачихой подхлестнут, поспешает зеленый дракон. — Строка представляет собой поэтическую фантазию автора на тему легенды о Ткачихе и Пастухе (см. комм. к стр. 21).

...Лань-сян возвернулась на трон. — По-видимому, речь идет о Ду Лань-сян (см. комм. к стр. 22.).

Конху — корейский национальный струнный инструмент, напоминающий арфу или лиру.

Остров, плавающий в огне

Стр. 79. В начале годов Завершенного Творения. — Завершенное Творение — девиз правления китайского императора Сянь-чжу (время — с 1465 по 1487 год).

Кёнджу — древнейший исторический и культурный центр на юго-востоке Кореи. На его месте находилась столица одного из трех корейских государств — Силла (I в. до н. э. — VII в. н. э.).

...в *Тхэхаккван* — Палату Великого Учения. — См. комм. к стр. 31.

...экзамен так и не выдержал. — С 958 года в Корею были учреждены государственные экзамены; выдержавшие их получали право на занятие чиновничьей должности.

«Учение о середине» (китайск. «Чжунъюн») — одна из книг конфуцианского четверокнижия, толкующая о нормах поведения человека при различных обстоятельствах; первоначально — одна из глав древней «Книги Обрядов», выделенная в отдельную книгу философом Чжу Си (XII в.).

Стр. 80. *Хань Юй сблизился с Тай-дянем, а Лю Цзун-юань — с Ши-сюнем.* — Хань Юй (768—824) — знаменитый китайский писатель, конфуцианец, яростно нападавший на буддийское учение и в то же время друживший с буддийским монахом Тай-дянем. Лю Цзун-юань (773—819) — известный китайский писатель, современник Хань Юя, бывший в близких отношениях с буддийским монахом Ши-сюнем.

...как подружился *Хой-юань с Цзун Бином и Лэй Цы-цзуном, а Чжи-дунь — с Ван Си-чжи и Се Анем.* — Хой-юань (334—416) — известный буддийский наставник, прекрасно разбирался в конфуцианских классиках, любил сочинения даосских философов Чжуан-цзы и Лао-цзы; уйдя в монахи, поселился на горе Лушань, где вместе с писателем Цзун Бином (375—443) и литератором Лэй Цы-цзуном (396—448) образовал «Общество белого лотоса». Чжи-дунь (314—366) — буддийский монах, основатель нескольких храмов, мастер иероглифической скорописи и знаток лошадей. Ван Си-чжи (303—379) — знаменитый китайский каллиграф и литератор. Се Ань (320—385) — известный китайский литератор и каллиграф. Все трое собирались у Чжи-дуня в Храме горы Синшань и вели долгие беседы.

...женского начала Инь и мужского Ян. — В китайской натурфилософии женское начало Инь олицетворяет тьму и все темное, мужское начало Ян — свет и все светлое.

...пяти первоэлементов. — Пять элементов в древнекитайской натурфилософии: дерево, металл, огонь, вода, земля.

Стр. 82. ...услышать вести с Востока — то есть из Кореи, которую в древности китайцы именовали «Восточной страной».

Стр. 83. ...с сиденьем в форме лотоса — то есть такой же формы, какую имеет трон Будды.

Стр. 84. ...гора...именуется Окчхосан. — В древнекитайских сочинениях рассказывается об огромной горе Воцзяшань (кореиск. Окчхосан), расположенной якобы в южной части Восточного моря. Морская вода временами заливают ее, и она исчезает. В буддийской литературе эта гора описывается в виде огромного камня, поглощающего воду. Под ним-де находится ад, в котором грешников прижигают огнем.

Стр. 85. Ёмма (санскрит. Яма) — владыка Подземного царства.

Когда Цан-цзе изобрел иероглифы... — Древнекитайская традиция приписывает изобретение иероглифического письма некоему Цан-цзе; в одних преданиях он предстает как мифическое четырехглазое существо, в других как сановник легендарного Желтого императора (XXVII в. до н. э., как считает традиция). Прообразами иероглифов Цан-цзе послужили якобы следы птиц, зверей и т. п.

Три мудрых властителя древности — то есть У-ван, Вэнь-ван и Чэн-ван.

...Чжоу-гун и Конфуций. — Чжоу-гун — китайский князь IX века до н. э., упорядочивший управление страной и введший систему обрядов. Конфуций (551 — 479 гг. до н. э.) — древнекитайский философ, создатель философско-этического учения — конфуцианства, четко регламентировавшего все отношения в тогдашнем обществе. Его учение, развитое тради-

цией, получило огромное распространение в Китае, Японии, Корее и Вьетнаме.

...Западный край. — Так в средние века в Китае именовали район Восточного Туркестана, Средней Азии, Афганистана и Северной Индии.

Стр. 87. *...бесов и духов нужно почитать, стараясь держаться от них подальше.* — В «Беседах и суждениях» Конфуция приводятся слова: «Учитель не желает говорить о демонах, силе, смуте и добрых духах». В другом месте этой же книги рассказывается, что, когда Конфуция спросили об управлении бесами и добрыми духами, он ответил: «Когда не можешь управлять людьми, где уж тут управлять бесами». Философ таким образом уклонялся от ответа на вопросы о потусторонних силах.

Стр. 88. *...десять ванов правят в нем областями мрака, а все его восемнадцать темниц заполняют узники.* — По буддийским представлениям, ад состоит из восемнадцати сфер, коими управляют десять владык; в каждой сфере ада грешника подвергают соответствующей каре — холоду, жару, хождению по лезвиям ножей и т. п.

...до трех династий. — Имеются в виду древнекитайские династии Ся, Шан и Чжоу.

Создав «Весны и осени», Конфуций... — «Весны и осени» — название древнейшей китайской летописи, повествующей о событиях с 729 по 428 год до н. э. По традиции считается, что Конфуций отредактировал ее.

Государи из Дома Чжоу... — Периодом правления Дома Чжоу считается время с 122 по 256 год до н. э.

...Цинь уничтожила шесть уделов и объединила все земли между четырьмя морями. — В III веке до н. э. в Китае возвысилось царство Цинь, князь которого постепенно завоевывал соседние уделы — Ци, Чу, Янь, Чжао, Вэй и Хань; в 246 году до н. э. он провозгласил себя первым императором (Ши-хуа-

ном). Земли между четырьмя морями — метафорическое обозначение Китая.

...добродетели трех древних «хуанов». — Автор, по-видимому, имеет в виду мифического государя Фу-си, научившего людей рыболовству, Шэнь-нуна, открывшего им земледелие, и Суй-жэня, показавшего, как добывать огонь.

...превосходит заслугами пять ди. — Имеются в виду пять мудрых мифических правителей: Желтый император — Хуанди, Чжуань-суй, Ди-ку, Яо и Шунь.

Вэй, Лян, Цзин, Чу — царства, возникшие на территории Китая в IV—III веках до н. э.

Стр. 89. *Вэнь-ван* (дословно — Просвещенный правитель) — отец основателя династии Чжоу в Древнем Китае, при нем (в XII в. до н. э.) ряд племен подчинился чжоусцам.

У-ван — основатель династии Чжоу, правил с 1122 по 1115 год до н. э., прославился своей борьбой против тирана Чжоу Синя, последнего государя династии Шан.

Чэн-ван (1115—1078 гг. до н. э.) — преемник У-вана.

Кан-ван (1078—1052 гг. до н. э.) — преемник Чэн-вана.

Стр. 90. *Пять обязанностей*. — По древней китайской традиции, таковыми считались долг отца, любовь матери, покровительство старшего брата младшим, почтение младшего брата к старшему, сыновняя почтительность.

Три главных устоя. — Автор имеет в виду почитание подданными своего государя, сыном отца и женою мужа.

Стр. 91. ...со времен Хань и Вэй — то есть со времени правления в Китае двух династий: Хань (202 г. до н. э. — 220 г. н. э.) и Вэй (220—265).

Стр. 92. *Вы как неотшлифованная яшма из Цзинских гор*. — Древнекитайский философ Хань Фэй-цзы рассказывает о некоем Бянь Хэ, жившем в эпоху Чжоу в китайском царстве Чу. Он нашел яшму в горах Цзиншань (на территории нынешней провинции Хубэй) и поднес ее государю Ли-вану. Тот не распознал в необработанном камне драгоценность и велел

отрубить Бянь Хэ за обман левую ногу. Когда к власти пришел У-ван, Бянь Хэ вновь поднес яшму, но ему опять не поверили и отрубили вторую ногу. В царствование Вэнь-вана, однажды, в присутствии государя, Бянь Хэ заплакал, обняв камень. Вэнь-ван велел ювелиру огранить его. Оказалось, что это и в самом деле драгоценная яшма. С тех пор выражение «яшма из Цзинских гор» стала означать непризнанную драгоценность, непонятый талант.

...трех племен хан. — Речь идет о трех корейских племенах: махан, чинхан и пёнхан, обитавших в южной части Корейского полуострова. В I веке до н. э. на их территории возникли два государства — Силла и Пэкче.

...дошел до событий, приведших к созданию государства Корё. — Падению государства Объединенное Силла и установлению новой династии Корё (918—1392) предшествовала борьба Силла с соседними государствами и волна крестьянских восстаний.

Стр. 93. *...сюда не ступала нога Юя.* — Юй, герой древнекитайских мифов, исходил за тринадцать лет, усмиряя потоп, все страны Поднебесной; поэтому земля, где не ступала его нога, — это край света, заброшенное место.

...не доскакали скакуны Му-вана. — Древнее китайское сочинение «Жизнеописание сына Неба Му» (ок. IV в. до н. э.) повествует о путешествии Му-вана (1001—946 гг. до н. э.) на Запад, к мифической Хозяйке Запада — Сиванму. По преданию, у него было восемь замечательных скакунов, на которых он объездил множество далеких земель. Позднее скакуны эти стали излюбленной темой в изобразительном искусстве Китая, Кореи и Японии.

Стр. 94. *...подражая Яо, наследуя Шуню...* — Яо — мифический китайский государь, будто бы правивший с 2356 по 2255 год до н. э. По преданию, жил очень скромно, в хижине, крытой камышом, ходил в грубой одежде из пеньки. Если узнавал, что в его стране кто-нибудь голоден, то говорил, что

это его, государя, вина. Конфуций и его последователи выдвигали Яо как образец правителя. Он уступил престол своему зятю Шуню, который прославился своей незлобностью к недоброжелателям, почтительностью к родителям и заботой о народе. Шунь передал престол не своему сыну, который увлекался лишь пением и танцами, а усмирителю потопа Юю.

На пиру во дворце дракона

Стр. 100. *Во времена прежней династии* — то есть при династии Корё.

...в крылатых шляпах «покту». — Так называлась матерчатая четырехугольная шляпа с плоским верхом и широкими полями-крыльями, головной убор соискателя диплома на ученое звание или чин.

...с дощечками для записей... — Автор имеет в виду бамбуковые, нефритовые или слоновой кости дощечки для записей распоряжений, которые носили при себе чиновники.

Стр. 101. ...обратился лицом к югу. — Согласно старинному этикету, император сидел на приемах лицом к югу, высшие сановники — лицом к востоку, прочие — лицом к западу.

Стр. 103. ...в песне поется: «Кричат утки, славят прекрасную пару». — Автор имеет в виду строки из «Книги Песен»:

Утки, я слышу, кричат на реке предо мной.
Селезень с уткой слетелись на остров речной.
Тихая, скромная, милая девушка ты,
Будешь супругу ты доброй, согласной женой.

(Перевод А. Штукина)

Стр. 104. ...в книге сказано: «Если увидишь летящего дракона, тебя ждет встреча с великим мужем». — Автор приводит цитату из «Книги Перемен».

...новое подобие дворца Эфан. — В III веке до н. э. в Китае одновременно со строительством Великой стены сооружался

огромный дворец Эфан в Сяньяне. В «Исторических записках» Сыма Цяня говорится: «Сперва была построена передняя зала, пятьсот шагов с востока на запад и пятьдесят чжанов (более 150 м.) с севера на юг. В ней могли усесться десять тысяч человек. Запись дает представление о грандиозности дворца. В одном из стихотворений Ким Си Сып пишет, как страдал народ, согнанный на это строительство.

Взыграют цитры и гусли — выражение из «Книги Песен», поэтическое обозначение счастья и согласия супружеской пары.

Стр. 107. *...дух реки Чоган... реки Накха... реки Пённан.* — Вымышленные названия этих рек перекликаются с названиями реально существующих рек в Центральной Корее.

Стр. 109. *...спел отрывок из «Напегов водяного дракона».* — На эту мелодию, название которой идет от строки Ли Бо: «Играет флейта, и дракон поет о воде», писались стихи в жанре «цы» многими китайскими поэтами, начиная с X века.

Стр. 110. *...назвав себя латником Го...* — В «Оде крабу» китайского поэта Ян Вань-ли (1124—1206) улитка зовется «Латником из царства У — господином Го»; отсюда и заимствовал Ким Си Сып прозвище своего персонажа.

В восьмую луну... приношу дань на берегах Восточного моря. — В корейском предании говорится, что в восьмую луну у краба в животе вырастает шип, который он приносит как дань духу Восточного (Японского) моря.

Стр. 111. *Пусть Чжао Луня ненавидели жители вод, но зато Цянь Кунь часто бывал обласкан в чужих краях.* — Вкладывая в уста «потешного» персонажа эту фразу, автор, по-видимому, сознательно искажает содержащиеся в ней факты. Известно высказывание чжаоского князя Луя: «Я сразу пугаюсь, как только вижу в воде крабов». Далее, в «Записках о возвращении в поля» китайского писателя Оуян Сю (1007—1072) рассказывается, что некто Цянь Кунь был родом из-под Ханчжоу, где все любят крабов. Он ожидал назначения на должность, и когда кто-то спросил его, куда бы он хотел поехать служить, от-

ветил: «Только чтобы там были крабы и не было пограничных споров». Придавая фактам противоположный смысл, Ким Си Сын усиливает комическую окраску речи латника Го.

...стану добычей Би Чжо. — Китайский чиновник IV века н. э. Би Чжо говорил: «Добыть бы вина, наполнить им несколько сот лодок, держать бы в правой руке чашу с вином, а в левой — краба с клешнями, да так и плыть по волнам — хватило бы удовольствия на всю жизнь».

...пляска «Восьми ветров». — В древнекитайской летописи «Цзочжуань» говорится: «Танцор шествует, как восемь ветров, в такт восьми звукам». Комментаторы поясняют: «Восемь ветров — это ветры восьми сторон света (север, юг, запад, восток, северо-восток, северо-запад и т. д.), а восемь звуков — это звучание инструментов из металла, камня, бамбука, тыквы-горлянки, глины, дерева, кожи и струнных инструментов».

Стр. 113. ...существо, назвавшееся Черным учителем. — В древности черепаха носила прозвище «Черная».

Из реки Накха я принес людям знаки, восславившие подвиги могущественного Юя. — См. комм. к стр. 93.

На Чистой реке я, попав в сети, сделал явью сон Изначального государя. — В «Исторических записках» Сыма Цяня говорится, что на втором году царствования первого правителя Сунского княжества (XI в. до н. э.) черепаха, пробиравшаяся к воде, попала в сети. Она явилась во сне правителю, и тот ее спас.

...в числе сокровищ Цзан Вань-чжуня. — В древнекитайской книге «Беседы и суждения» приводятся проницательные слова Конфуция: «Цзан Вань-чжун поселил у себя большую черепаху, построив для нее помещение, где сделал капитель в виде горы и разрисовал столбики у потолочных балок. Умен ли этот человек?» Нелепость этих чрезмерных забот очевидна, но комментаторы поясняют, что в древности особо достоверным считалось гаданье с помощью нагретого панциря большой черепахи.

Стр. 114. *Лу Ао садился верхом на меня в море...* — По преданию, ученый Лу Ао, живший в Китае во времена Цинь (III в. до н. э.), якобы отправился в море искать бессмертных.

Мао Бао отпустил меня в реку. — В книге «Записки о поисках духов» китайского писателя IV века Гань Бао приводится рассказ про некоего Мао Бао, который однажды увидел, как один человек поймал большую белую черепаху. Мао Бао купил ее и отпустил в реку. Через много лет он, став военачальником, потерпел поражение и бросился с горя в реку. Вдруг кто-то подхватил его и медленно вынес к берегу. Оказалось, что это была некогда отпущенная им белая черепаха.

При жизни я возвещаю счастливые времена... — В странах Дальнего Востока черепаха считалась символом долголетия, слово «черепаха» часто входило в состав благожелательных выражений. Например, выражение «стоять на черепахе» значило «получить высшую ученую степень».

...после смерти становлюсь сокровищем чудесного Пути — то есть, гадая на черепашьем панцире, люди познают истинный Путь, судьбу.

Чхок — корейская мера длины, равная 33 см.

«Девять подвигов». — Танец с таким названием был распространен в Китае в VII веке.

Положите на красную глину хвосты — иносказание, подобное выражению «стоять на черепахе» (см. выше); означает — обретите счастье и вечный покой.

Стр. 115. *Тхаго* — барабан, обтянутый кожей каймана.

...Вань Цяо светильник холодный зажег... — О китайском сановнике Вань Цяо (288—329) предание рассказывает, будто бы он смастерил светильник из носорожьего рога и осветил им водяных духов в реке Янцзы, у горы Нючжу; у этого места впоследствии была выстроена беседка Зажженного Носорога.

Стр. 118. *...привязать веревкою солнце могли бы* — выражение, впервые встречающееся у китайского поэта Се Лин-юня (385—433).

Стр. 121. ...на гору Ин или Пэн — то есть на мифическую гору Инчжоу или Пэнлай, где обитали бессмертные.

Стр. 122. ...*башня Поклонения Небу* (Чочхоллу). *Вознесшаяся ввысь* (Нынхочак). — Такие названия имели несколько башен в Корее.

Стр. 123. ...*зеркало матушки Молнии*. — Матушка Молния (к и т а й с к. Дянь-му) — богиня, изображаемая в виде женщины в пестром одеянии; в каждой руке она держит по бронзовому зеркалу. Одно из них являет собой мужское начало Ян, другое — женское Инь; от соединения этих двух сил якобы возникает молния.

...*барабан дедушки Грома*. — Дедушка Гром (к и т а й с к. Лэй-гун) изображался черным демоном с крыльями летучей мыши, когтистыми ногами, обезьяньей головой и клювом орла, в одной руке он держит стальное долото, в другой — волшебный молоток; демон ударяет молотком по многочисленным небесным барабанам, производя шум, который-де люди и принимают за гром.

...*мешок дядюшки Ветра*. — Дядюшка Ветер (к и т а й с к. Фэн-бо) изображался стариком в желтом хитоне и красно-голубой шапке, он держит в руках огромный мешок и направляет из него ветер то в одну, то в другую сторону.

Хозяин дождя (к и т а й с к. Юй-ши) — изображался одетым в желтый, чешуйчатый панцирь и голубую шляпу; стоя на облаке, он льет из кувшина на землю воду.

Стр. 125. ...*в шкатулку для хранения траурного головного убора*. — В Корее мужчины во время траура носили холщовую четырехугольную шапочку.

Содержание

О том, как в храме Беспредельного Счастья играли в ют. Перевел Дм. Воскресенский	7
О студенте Ли, который заглянул за стену. Пере- вел Дм. Воскресенский	31
Пьяный в павильоне Плывущей Лазури. Перевел Вл. Сорокин	55
Остров, плавающий в огне. Перевел Вл. Соро- кин	79
На пиру во дворце дракона. Перевел Вл. Соро- кин	99
К. Монголов, Б. Рифтин. Поэт и новеллист Ким Си Сып	126
Комментарии	146

Ким Си Сып

НОВЫЕ РАССКАЗЫ, УСЛЫШАННЫЕ
НА ГОРЕ ЗОЛОТОЙ ЧЕРЕПАХИ

Редактор Г. Ярославцев Художественный редактор Ю. Коняев
Технический редактор Л. Родионова
Корректоры Н. Шкарбанаева и Д. Эткина

Сдано в набор 20/IV 1972 г. Подписано в печать 23/X 1972 г.
Бумага типографская № 1. Формат 70×108¹/₃₂. 5,5 печ. л.
7,7 усл. печ. л. 7,19 уч.-изд. л. Тираж 50 000 экз. Заказ 152.
Цена 27 коп.

Издательство «Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Ордена Трудового Красного Знамени
Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой
Главполиграфпрома Государственного комитета Совета
Министров СССР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли. Измайловский пр., 29.